

★ **BOOK WINGS** ★

IOWA CITY, U.S.A. ★ MOSCOW, RUSSIA

FRIDAY, MARCH 9, 2012

9:15 AM RECEPTION, 10:00 AM CURTAIN

THEATRE B, THEATRE BUILDING, THE UNIVERSITY OF IOWA

BOOK WINGS

Greetings,

An historic partnership between the International Writing Program and the Moscow Art Theatre, *Book Wings* is a bilingual performance that brings together the worlds of literature, theatrical performance, and new media. Working in conjunction with the University of Iowa's Department of Theatre Arts, the Virtual Writing University, the University of Iowa's Information Technology Services, and made possible with grant funds provided by the U.S. Department of State, *Book Wings* unites two stages and theatre companies to produce (in real time, across ten time zones) a collaborative performance of new poems commissioned for the project.

High definition videoconferencing technologies are what allow the audience in Iowa City to see and hear the Moscow stage, and the Moscow audience to see and hear the Iowa City stage. This dynamic program is a testament to what two artistic communities can accomplish through creative collaboration.

A three-year initiative, 2012 marks the first annual *Book Wings* performance and features young American and Russian poets addressing the theme of contact. (In future years, this theme will be further explored by playwrights and fiction writers.) Maxim Amelin, Quan Barry, Linor Goralik, Terrance Hayes, Inga Kuznetsova, Dora Malech, Anna Russ, and Matthew Zapruder have created beautifully intricate works, rich with history and ideas, which reflect the diversity of our respective literary traditions and suggest some of the dimensions of contact: thrill and wariness, intimacy and incomprehension.

To see these works performed live and collaboratively, across 5,000 miles, is a kind of miracle—a vivid expression of what it means to connect: actors and directors, writers and translators, performers and their audiences. *Book Wings* is making literature fly.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "C. Merrill", with a large, decorative flourish at the beginning.

Christopher Merrill
Director
The International Writing Program

BOOK WINGS

Iowa City, IA, USA & Moscow, Russia
Friday, March 9th, 2012
10 a.m. CST, 8 p.m. Moscow

INTRODUCTION

Christopher Merrill – Iowa Stage
Anatoly Smelyansky – Moscow Stage

ACT I:

Linor Goralik – Moscow Stage
Inga Kuznetsova – Moscow Stage
Dora Malech – Iowa Stage
Matthew Zapruder – Iowa Stage

Interlude I, Moscow

ACT II:

Anna Russ – Moscow Stage
Quan Barry – Moscow Stage
Quan Barry – Iowa Stage
Terrance Hayes – Iowa Stage

Interlude II, Moscow

ACT III:

Maxim Amelin – Moscow Stage
Maxim Amelin – Iowa Stage

TALKBACK:

A talkback with the artistic and production staff of Book Wings will immediately follow the performance and will be moderated by Christopher Merrill in Iowa City and in Moscow by Anatoly Smeliensky and Adam Muskin.

Questions will be taken from the live audience as well as from those viewing the event live on the internet. Off-site viewers may tweet their questions to @UIIWP

STREAMING LIVE:

<http://www.writinguniversity.org/page/book-wings-live-streaming>
<http://www.cultu.ru/event/slam/> - the link to our stream

CREDITS

Artistic Direction

Christopher Merrill, Director
International Writing Program

Anatoly Smelyansky, Dean
Moscow Art Theatre School

Alan MacVey, Chair
Department of Theatre Arts, University of Iowa

Pavel Rudnev, Special Projects Assistant
Moscow Art Theatre and Moscow Art Theatre School

Writers

Maxim Amelin, Quan Barry, Linor Goralik, Terrance Hayes,
Inga Kuznetsova, Dora Malech, Anna Russ, Matthew Zapruder

Directors, University of Iowa

Maggie Conroy
Eric Forsythe
Saffron Henke
Alan MacVey
Carol MacVey

Directors, Moscow Art Theatre

Zhenya Berkovich
Michail Milkis

Performers, University of Iowa

Tim Budd, Mackenzie Calkins, Maggie Conroy, Kristy Hartsgrrove,
Saffron Henke, Kendall Lloyd, Lisa Merrill (Violin), Amelia Peacock,
Tonja Robins, Josh Sazon, Ben Schlotfeldt, Jessie Traufler, John Watkins

Performers, Moscow Art Theatre

Yana Irtenyeva, Yury Lobikov, Svetlana Mamresheva, Ilya Romashko,
Alexandra Skorokosova, Irina Soboleva

Project Coordination

Nate Brown, International Writing Program

Production Team, Moscow Art Theatre

Mikhail Barannikov, Technical Director
Svetlana Russkikh, Administrator
Serge Znatnov, Videoconferencing
Igor Ovchinnikov, Videoconferencing
Vladimir Ershov, Videoconferencing

Production Team, University of Iowa

Rebecca Tritten, Production Stage Manager
Tresa Makosky, Stage Manager
Marty Kirchmeier, Assistant Stage Manager
Les Finken, Videoconferencing and Livestream Project Lead
Lauren Haldeman, Livestream Management
Michael McBride, Producer, University of Iowa Television
Maylan Thomas, Lighting Design and Projection
Andrew Nelsen, Sound Designer and Sound Engineer
Tiana Carollo, Light Board Operator
Lindsay Wolf, Sound Board Operator
Shannon McDonald, Camera Operator
Zach Arenson, Camera Operator
David Lee, Camera Operator

Translation

Mayhill Fowler (Iowa City)
Tatiana Khaikin (Moscow)

Talkback Moderation

Christopher Merrill (Iowa City)
Russell Valentino (Iowa City)
Anatoly Smelyansky (Moscow)
Adam Muskin (Moscow)

House Manager, University of Iowa

Katy Jones

Director:
Mikhail Milkis

Performers:
Inna Sukhoretskaya
Irina Soboleva
Alexandra Skorokosova

Inga Kuznetsova was born in 1974 in a village on the Black Sea near Krasnodar and grew up in the academic community of Protvino before moving to Moscow. She graduated from the Department of Journalism at Moscow State University and studied philosophy in graduate school. She has worked as an editor at literary journals, and as a literary columnist for Radio Russia. She won the Pushkin Student Poetry Prize in 1994 and the Triumph Youth Prize in 2003. For her first collection of poems, *Sni-Sinitsi* (*Chickadee Dreams*, 2002), she won the Moskovskii schet (Moscow Score) Prize for Best Debut. Her second collection, *Vnutrennee zrenie* (*Inner Vision*, 2010) was declared one of the ten best books of the year published in Moscow. Currently, she is preparing her third collection of poems, *Vozdukhoplavan'e* (*Aeronautics*). In 2010 Kuznetsova represented Russia at the Tenth International PEN Festival in New York City. Her verse has appeared in many journals and anthologies, and been translated into English, French, Polish, Chinese and Georgian.

Book Wings Commissioned Work by Inga Kuznetsova

Воздухоплавание

Как я люблю, когда водоворот
воздухоплавателей хрупкие фигуры
затянет, утлый дирижабль порвет,
друг к другу бросит, чтоб дышать рот в рот –
не талой смертью жидко-бурой.

Выходит сердце на водовосток.
Оно сейчас звеняще и прозрачно,
оно окно и зрение – одно,
оно паденье гулкое и дно,
растущий мир, барочный и барачный.

Во рту кровит веселая весна.
Держи меня, дыши меня без сна.
Смотри: опять приходит снегозапад.
И станет льдом и воздух, и вода.
Мы тоже будем капсулой из льда,
хранящей запах.

Первобытное

огромная белка забытый тотем наших мест
увиделась мне между вспышками острого света
и боли межбровной неровно присохший асбест
стал ржаво-рябинного цвета

пока промежуткам событий не сыщем имен
скрипим древесиной звеним оркестровою медью
о небо когда бы не спутанность разных времен
все было б сезонною смертью

люблю тебя небо о как я тобой дорожу
хочу быть всегда твоей полой упругою дудкой
пока тебя вижу сквозь веки дышу и дрожу
мелодией нежной и жуткой

Зверь шерстяной ностальгия

Сбитые буквы читаешь: «цветы, рассада».
Будто шарманку заводят – нежность, насада.
Голос растресканный, как скорлупа фасада.
Грубо машинка врезается в горечь газона.
Стекла колышутся, точно тепличная пленка.
Как робинзон под одну травяную гребенку
стричь устает! Он похож на обиженного ребенка
в блеклом, испачканном краской комбинезоне.

Город ветшает. Трава, бормоча, отрастая,
пишет собой. Гнутый стебель – почти запятая.
Лошадь наклонно стоит (эта странность простая),

вдруг возникая с холмом и цветной колокольней.
Прочие шутки пространства необъяснимы.
Пыльные липы бредут, спотыкаясь, как мимы,
мимо парящих в бреду, обнимаемых, снимаемых
к площади сумеречных голубей – там спокойней.

Прошлое сыплется. И проступают другие
бледные знаки. Зверь шерстяной ностальгия
где-то скребется, не пойман. Замедлю шаги я.
Город в песочных часах, он уже в перешейке,
падает вниз, исчезает в чашке подземной.
Переверни – в тишине чтоб стеклянно-музейной
трогать руками летящую над колокольней
лошадь. Как было сторуко, нежно, не больно -
буквы слепые под крышей пятиугольной.

Превращения

я человеческий крот
выхожу на поверхность сознания
выбираюсь из-под обломков
мысленных городов
после обвала
сердцетрясения
гнева-цунами
плача-потопа
после пожара
(ведь каждый себе геродот)
здравствуй милое тело
мы кажется были знакомы
мини-иголки в кончиках пальцев
хрупкость твою выдают
тело улиточный сверток
да неужели я дома
в тебе?
я неловко танцую
пытаюсь обжиться поверить в уют

но замираю вдруг у окна
на полужесте
там собака бегущая против шерсти
с улыбкой на длинном лице
и уже я так явно в ее удивительной шкуре
в длинношерстном потрепанном пальтеце
с разлохмаченной шевелюрой

мир понятно опасен
и так неуместимо прекрасен
он машинно-ужасен
пахуч и колбасен
и я
каталог его запахов

мертвого волка в витрине музея
нет загадочней и страшней
не хочу но глазею
сама не своя

я собака и друг
человека
но все-то вокруг

человечье
красота и увечье
смущенье добра или логика зла
я стараюсь не выдать испуга
рычанием-речью
зло я чую подшерстком
но за перекрестком
тревога прошла

отправляюсь на поиски поздней
целебной травинки
так растенья невинны
так стойки они
я смотрю с восхищеньем
как из неуклюжей бестрепетной глины
выупляются стебли
вот так же из темных скорлупок
нежные дни

я грызу стылый лист
превращаясь в прожилку и терпкую горечь
я готова короткую жизнь
провести на холодном ветру
в этом кротком осеннем
межлиственном разговоре
прошептать
«не печальтесь я скоро умру»

а потом я смешиваюсь с землей
и в подземные воды
вместе с братьями-сестрами попаду
мы сольемся в лесные ручьи
о великое круговращенье природы!
мы частицы
общие и ничьи

эскалатор-река
ты носи меня сразу в открытое море
я хочу ощутить все на свете
уже не боясь
потерять себя
только б держать в ослепительном мире
с темнотой и деревьями
и летящими птицами
и породами горными
и животными гордыми
и любимыми и беззащитными лицами
связь

Обернешься врасплох

Солнечный текст
проступает сквозь влажные клены.
Вот идет человек изумленный.
В луже плывет
неуклюжий китовый капот.
Воздух подвешен на провод неявного смысла.
Тополей многозначные числа
то топлятся, то рвутся вперед.
Обернешься врасплох –
коридор красоты бесконечен.

Скороход, донкихот –
человек междуречен.
Спотыкаясь, то правым, то левым плечом
задевает за стены,
и кажется: душно и нечем
заглушить (красота не при чем).
Но осенняя скрипка в уме,
но небесные материалы –
синь, сгущення, судьба в натуральную величину...
Но пейзажи, что так близоруки,
но не потеряли
ни блистательность, ни глубину!

Развернутая формула любви

любовь ты соковыжималка
давить а тебе не жалко
нас дожимать любовь
ведь люди мы не апельсины
нас травят образы-токсины
твои любовь

любовь ты плоть на сковородке
ты вонь и голова селедки
всё ты любовь
ты режешь зрительные нервы
как ржавой бритвой Питер первый
рвал бороды любовь

отвага экспрессионистов
лишь слабый жест когда неистов
твой гнев любовь
отчаянье сухая ярость
бор обессиленный как старость
всё это ты любовь

меж указательным и средним
экзема бледная и бредни
обманщика любовь
мигрень и тошнота и спазмы
ходьба по краю без боязни
падение в смерть любовь

на эль беспомощность на ю же
еще прекраснее и хуже
не сад де Сад любовь
пытка отсутствием подкладкой
из пустоты тут без оглядки
бежать но смерчь-любовь

дворцы швыряет и корыта
когда все клапаны закрыты
внутри рванет любовь
и точно псы остатки пира
мы подберем осколки мира
в твоей пыли любовь

Мне нужно вспомнить

мне нужно снова вспомнить все слова
пока выходит стрелочник из будки
пока выходит парусник из бухты
пока из почек прорастают буквы

и мчится солнце с головою льва
немой выходит стрелочник и поезд
обнимет холм точно скользящий пояс
усталый бог не продолжает повесть

мне нужно вспомнить и не расплескать
носить как воду все на коромысле
пока программа убьют подвисла
пока летают бабочки и смыслы

как память крика звучна и резка
но трудно прошептать во тьме рисуя
всерьез объемно дом и дым росу и
пух тополя заката полосу

слова растут в космическом лесу
пока задумчив стрелочник молчащий
мерцает парус звери любят в чаще
пока никто не отпивал от чаши

безыменье подобно колесу
мелькают в спицах лошадь и солома
выходит смерть как девочка из дома
пока ничто не ясно не знакомо
поэты держат вещи на весу

Inga Kuznetsova Translated by Mayhill Fowler & Dora Malech

Aeronautical

How I love it, when the whirlpool of the balloonists
suspends its frail figures, until
one fragile dirigible breaks off, they throw
themselves at each other, try to breathe into each other's mouths—
and not into the sludge-mud of death.

The heart walks out onto the drain-pipe.
The heart is now ringing and transparent,
it is the window—and what we see through that window,
it is the hollow falling and the depths, the growing
world, baroque and barrack-like.

Into the mouth bleeds joyful spring.
Hold me, breathe me without illusions.
Look: again the snowfall is arriving.
Both air and water will become ice.
We too will be a capsule of ice,
storing the smell.

Pre-historic

an enormous squirrel a forgotten totem of a place
lost between the sharp flares of light I watched
and the slip-shod asbestos shingles of pain across the face
became the color of rust and ash

while we will not absorb the time-lined intervals of events
we join in with the brass band with an ancient violin
o sky if there were no confusion as to the eras' advances
then we would die with each season in its turn

I love you sky o how I value you I want to be
always your stiff and hollow harmony
while I see you behind all the ages I breathe
and I shake with a tender and terrible melody

A Beast of Woolly Bygones

You read the raised letters: "flowers, seedlings"
as if testing a hurdy-gurdy—tenderness, over-attention.
The cracked voice, like the shell of a façade.
Roughly the machine cuts into the bitterness of the lawn.
Glass ripples as in the heat of the greenhouse.
How Robinson tires of being
the barber of the grass! He is like a sullen child
in overalls faded and paint-stained.

The city decays. Grass, growing out, mumbles,
writing itself. The bent stem—almost a comma.
The horse stands at an incline (this simple strangeness),
suddenly rising with the hill and the colored bell-tower.

Other jokes of space are not explainable.
Dusty linden wander, stumbling, like mimes,
beside those floating in a daze, embraced, drifting
to the doves' twilight square—it is more peaceful there.

The past slips by. And showing through are other
pale signs. Somewhere, the beast of woolly bygones
scratches, still wild, un-captured. I slow my steps.
City slipping through an hourglass, already in its isthmus,
Now falling down, sinking back into the sands.
Turn around—into the quiet in order to lay hands
on the glass museum, the horse flying over the bell-tower now,
through time's tentacles which do not harm, tenderly—
read the Braille beneath the five-cornered roof.

Transformation

I am a human mole
I tunnel up to the surface of consciousness
I emerge from under the rubble
of the mental cities
after the collapse
the heart-quake
the hate-wave
the sob-flood
after the fire
(indeed each is his own Herodotus)

greetings dear sweet body
you seem so familiar
the nano-needles of the fingertips
reveal your brittleness
a package stamped "fragile"
is yours a place
I could call home?
I dance in place awkwardly
trying to grow roots to believe in comfort

but I am frozen suddenly at the window
in mid-motion
there is a dog with its coat tousled the wrong way
with a smile on its long face
and already I feel so surely in its
amazing skin
in its shaggy shabby
tousled fur coat

understandably the world is dangerous
and so perfectly gorgeous
it is machine-horrible
fragrant of sausages
and I
a catalogue of these smells

dead wolf in the museum's window
most mysterious and terrible
no part of me wants it but my eyes
they are myself and not my own

I am a dog and friend
of man
but still in the presence of
humanity
beauty and eternity
confusion of good or the logic of evil
I try not to betray my fright
with growl-speech
evil I feel under my coat
but past the crossroads
the shiver passes

I set off in search of late
healing grass
yes like innocent plants
yes like they stand
I look with ecstasy
as from clods of unmoved clay
stalks hatch
as from their dark shells
emerge tender days

I chew a fragile leaf
I transform into a bitter vein
I am ready for life's streak
a short life led in the cold wind
in this brief autumn
conversation in the margin
to whisper
"don't be sad I'm dying"

and then I mix with the ground
and in the groundwater
together with my siblings I will fall
we will merge in the forest streams
and springs of nature's gyre!
we are parts
of everyone and no one

escalator-river
you carry me instantly to the open sea
I want to feel everything
already not afraid
to lose a self
I can only hold onto the blinding world
with darkness and trees
with flying birds
and boulders
animals proud
and beloved and vulnerable faces
as my connection

You turn around suddenly

Sunny text now
seeps through the dripping maples.
A stunned man staggers past.
In a puddle someone's
awkward, whale-like hood swims by.
The air hangs on a wire of possible meaning.
A multiplicity of poplar trees
first crowds, then rushes forwards.
You turn around suddenly—
the corridor of beauty is endless.

Knight-errant Don Quixote—
a man between the rivers.
Stumbling, first with the right, then the left elbow
he touches the wall,
and it seems: it's steaming and there is nothing
to drown out (the beauty is beside the point).
But autumn's violin in your mind,
but the heavenly materials—
of blue, of condensation, the fate of natural majesty...
But the landscapes, that are so short-sighted,
but have lost
neither brilliance nor depth!

An Expanded Equation of Love

Love, you juicer
you merciless winepress
you squeeze and squeeze us, Love
we are people not oranges after all
in your own toxic image you stamp
us, Love

Love, you flesh in a frying pan
you stink and severed head of a herring
everything you, Love
you slash its nerves blind
like the rusty razor of Peter the Great
cut off all the beards it could catch, Love

the abandon of the Expressionists
only a weak gesture next to the frenzy
of your anger, Love
despair and dry-mouthed rage
a forest falling to old age
all this is you, Love

between the index and the middle finger
pale eczema and brandy spilt
over your tricks, Love
migraine and nausea and spasms
walking on the edge without fear
of falling to our deaths, Love

looking out of helplessness as on a train
at what's ever more wild beautiful and worse
than some garden-variety de Sade, Love
torture full contact no pads
out of the void without a backward glance
you hurtle on, whirlwind-Love

the palaces are fortified the troughs'
valves are closed but from the inside
out of them you still explode, Love
as dogs make quick work of the scraps of a feast
we will drink the world's dregs and pick up
lap up leave not even your dust, Love

I need to remember

I need to remember all of the words
as the switchman emerges from the booth
as the boat emerges from the bay
as the letter sprouts from the kidneys

races towards the lion-headed sun
the switchman falls silent the train emerges
hugs the hill just like a conveyor belt
tired God cuts the story short

I need to remember and not spill
to yoke and carry everything like water
as the program loses and lets go
as the butterflies and thoughts tumble

as memory cuts in with its sharp cry
but it's hard to whisper drawing in the dark
in earnest in the huge house and smoke and mildew and
the "summer snow" of the poplar tree the shafts of sunset

words grow out there in the forest's space
as the silent switchman's lost in thought
the sail shimmers in the thicket a beloved beast
as no one takes a sip from the cup

nameless like a wheel
watch through the spokes horse and straw slip by
Death comes out like a girl from her house
as nothing is clear is known
these are the things poets hold suspended

Director:
Mikhail Milkis

Performer:
Mikhail Milkis

Linor Goralik is a fiction writer, poet, essayist, children's author, journalist, translator, and visual artist. Born in Dnepropetrovsk, Ukraine in 1975, she immigrated to Israel in 1989 and moved to Moscow in 2001. She has published a number of prose books including *No* (a novel co-authored by Sergey Kuznetsov) and *Half of the Sky* (co-authored by Stanislav Lvovsky) in 2004; *Not Children's Food* (2007); *Long Story Short* (2009), and others. Goralik has published a number of poetry collections including *Non-Locals* (2003) and *Catch Them, Piter* (2007). Other poetry and prose collections were published by *Novyj Mir*, *Vozduh*, *.txt* and other periodicals. She is also the author of the children's books *Agatha Returns Home* (2009) and *Martin Never Cries* (2007).

As an essayist and journalist, she is frequently published in *Vedomosti*, *Snob*, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, *Novyj Mir*, and other periodicals. She is the author of the monograph *Hollow Woman: Barbie's World Inside Out* – on cultural roles and meanings of a Barbie doll.

Her works have been translated to a number of languages, including English, French, Italian, Chinese etc. As a translator from English/Hebrew, she has published two books of Etgar Keret's prose as well as a poetry book by Vaitautas Pliura (in cooperation with Stanislav Lvovsky). As an artist, she's participated in a number of individual and group exhibitions and performances, including *Save That Puhskin*, *Unreal Hares in Support of The Real Hares*, and *Feel Sorry / Look Away*. Her latest solo exhibition – *God's Every Day* – took place in the newly built Perm Museum of Modern Art. She is also the author of *Hare PZ!* comic books.

Book Wings Commissioned Work by Linor Goralik

Милая, мы видели воочью,
как подходит к берегу регата,
капитан люстриновый искрится,
вервия гудят в истоме.

(Вервия простые.)

Белым дымом изошел оракул,
и теперь квартирные хозяйки
бьют копытами в тимпан причала,
полные прекраснейших предчувствий.

То-то будет встреча.

Милая, мы слышали гудочек.
Разве мы не слышали гудочек? –
Слышали, не надо отпираться.
Нет, это не лебеди кричали,
нет, не дуб ломал березку,
нет, не девки хором по наказу
пели нам со дна Ильменя, –
это был гудочек, натурально.

(Боже мой, так это был гудочек!..)

Ну, да что теперь-то.

(Дочери листовки зашивают
в худо скроенные юбки;
второпях исколотые пальцы
оставляют маленькие пятна
на партийной переписке;
дуры, нигилистки,
нежные, слепые перепелки,
несъедобные, как чайки).
Вострубили септиму у сходен,
в ожидании сладостном застыли
юные натуралисты, –
ждут морской занятой мертвечины.

То-то встреча будет.

Милая, мы чуюли подшерстком,
как поют подводные матросы
белыми глубокими губами.

(Боже, Боже, как поют матросы!..)

Сладко ли дрожали наши губы
в такт басам придонным батальонным?
– Признаемся: сладко.

(Гусляру жена в Северодвинске
говорила: «Не женись на мертвой», –
в воду, чай, глядела).

А теперь у самой у водички
мы стоим, готовые к лишеньям,
чужа за плечами автоматы
с лимонадом, солью, первитином,

(Сладкие лишенья предвкушая).

То-то будет встреча.

Милая, зачем сдавило горло?
Небо-то с батистовый платочек, –
то совьется, то опять забудется, –
все ему нейметса.
Говорят в толпе, что две юннатки
в нетерпеньи сплавали за метки –
и теперь рыдают, рыбки:

гладко море, волны пустогривы,
винт не плещет, не маячит мачта, -
но на дальнем берегу мысочка,
по-над рельсов бледною насечкой
вроде вьется беленький дымочек...
...Точно — вьется беленький дымочек!

(Милая! Мы видели воочью!)

Ах, в пурге глухой и многогорбой
снова сердцу делается невтерпь.
Гарпии намордниками пышут,
дочери закусывают нитки,
у перрона шавка озорная
вдруг застыла, что-то вспоминая...

А твои предчувствия, родная?
Что твои предчувствия, родная?

Linor Goralik Translated by Mayhill Fowler & Matthew Zapruder

Dear girl, with our own eyes we saw
the regatta approaching the shore,
the captain sparkling in his lustrine suit,
the ropes languidly trembling
(those simple ropes);

Our oracle has been emanating white smoke,
and now the landladies
with their hooves are beating the gong of the wharf,
they are full of sweet premonitions.

This is going to be quite a meeting.

Dear girl, we've heard the ship's whistle
(Didn't we hear the whistle?
Yes, there's no use denying)
No, it wasn't the swans crying,
No, not the oak screwing the birch,
Not the young girls' choir
singing to us on command from the bottom of Lake Ilmen.
It was definitely the whistle.
(Oh Lord God, so that was the whistle!)

Ok, so that's what it is.
(Our daughters sew prohibited leaflets
into their poorly-cut skirts;
their fingers, pricked in a hurry,
leave tiny stains on the secret letters
from other Party members;
silly girls, little nihilist,
tender blind quails
inedible as seagulls).

Here at the ramp the seventh is sounded.
Young Friends of Nature swoon in sweet anticipation
of fascinating corpses from the sea.

This will be quite a meeting.

Dear girl, with our own underfur
we could sense the underwater sailors singing
with their deep white lips.
(Oh Lord, the way these soldiers sing!)
Was it sweet to feel our own lips trembling
along with the lips of the Benthall squadron?
- Let's admit it: it was.
(In Severodvinsk, a wife
was begging her Guslar husband:
"Don't marry a dead girl!"
She must have had second sight).

And now we are standing by the water,
ready for hardships.
The vending machines point at our backs,
filled with lemonade, salt and meth.
(We are filled with anticipation
of those sweet hardships).

This is going to be quite a little meeting.

Dear girl, why is my throat so constricted?
The sky like a batiste handkerchief

spits, then trembles again,
all so restless.

There's a rumor in the crowd
that two Friends of Nature couldn't wait,
they swam past the buoys
and now they are crying, poor little fishes:
the sea is smooth, the waves are empty,
no screws splashing, no masts looming.
Yet, on the far side of our cape,
above the pale embossing of the railroad,
a little white smoke seems to be curling ...
...Yes – a little white smoke is curling!
(Dear girl! With our own eyes we have seen...)

Oh, in this blizzard of many hunched backs
The heart is rearing to go again.
The muzzles of brash harpies are leering,
our daughters are biting their threads,
a frisky cur is frozen on a platform
as if it is trying to remember ...

And what about your premonitions, my dear?
How about your premonitions, my dear?

Director:
Saffron Henke

Performers:
Kristy Hartsgrove
Ben Schlotfeld
Maggie Conroy

Dora Malech was born in New Haven, Connecticut in 1981 and grew up in Bethesda, Maryland. She earned a BA in Fine Arts from Yale College in 2003 and an MFA in Poetry from the University of Iowa Writers' Workshop in 2005. She is the author of two books of poems, *Shore Ordered Ocean* (Waywiser, 2009) and *Say So* (Cleveland State University Poetry Center, 2011). Her poems have appeared in numerous publications, including *The New Yorker*, *Poetry*, *Best New Poets*, and *Poetry London*. She has been the recipient of fellowships and awards that include a Writer's Fellowship at the Civitella Ranieri Center in Italy and a 2010 Ruth Lilly Poetry Fellowship. In 2010, she was Distinguished Poet-in-Residence at Saint Mary's College of California, and in 2012 she is currently Visiting Faculty at the Iowa Writers' Workshop. She lives in Iowa City, where coordinates the Iowa Youth Writing Project, an arts outreach program for children and teens.

Book Wings Commissioned Work by Dora Malech

TRAVELOGUE

There's a baby's blue car seat up for grabs
on the curb with a hand-lettered sign taped
to the handle: *NO ACCIDENTS*. A part
wants to throw it out into the sea
of traffic just to see context trump text,
just to say I made some kind of impact.
(Not kind, but some kind of. A part apart.)

The voice of our generation is:

- A. reverb in a packed stadium
- B. an echo in an empty stadium
- C. a playlist on shuffle
- D. the form of *I love you* that your "basic" phrasebook teaches you
is an *I love you* used only by lovers. It's right under
Would you like to dance with me? and right above
Get well soon
- E. all of the above

or none of?

Time to wake no there is no time to wake should have hours ago dressed in the dark
shoes and coats put on then taken off our dark shoes and coats for the machine
to better see through us a watch take off the watch that should have woken
us hours ago its alarm never set it sets off the alarm we are standing in
our socks cursing the sky as the flight takes flight takes
its place in the pattern without us.

(all right above all of the all above)

My own mind's mirror
mimes what I want
to see in you
in me.

The news says
relative success
says

compensate for past largesse
says
now less of the "Western-style" excess
says
offers context on the promise of this moment.

Perhaps it was the echo after all.
Perhaps it was the echo after all.

Time to wake. The higher-ups are trading sleepers.

Still drunk, I see double
agents double going
about their double lives,
double kissing their
double wives goodbye,

goodbye.

Pinch me. A dream's dram: the television
killing time on sci-fi: *I'm okay*
to go. I'm okay to go.

Study questions:

Why did the "thing" take the form
of her father? What is the difference
between agency and department?
Only double? Awfully facile facets, no?

Reverb as verb as in do-over. Dare me.
Was it was more fun for the arbiters before

rewind? Dearly

departed lips

I imagine so

much more.

(more much so imagine I lips departed dearly)

My son would like to meet the pilot would like a pair of plastic wings pinned to his jacket but the cockpit's locked up tight and the flight attendant's all business with that beverage cart. We apologize for technical difficulties with the in-flight movie and should have the problem resolved shortly. On screen, but silently, a heartthrob sweats his shirt closer to the contours of his body as he dismantles a bomb in the bathroom of a moving train. Which wire? A shot of hapless passengers. A shot

of a gun barrel as all else blurs behind it. In an emergency, light will illuminate the aisle.

to do:

- stage coup then recoup losses
- tell the whole failed truth to strangers
- take the bloody coat in to the cleaners
- buy milk
- buy time
- age backwards into your arms

Bystanders are standing by.

Did you say red wire?

Cloud's the sky's cover.

There's nothing to see here.

(By force, by farce, they will make sure there's nothing to see here.)

Move along, now. Move along.

Mother, may I say and stay preoccupied? Shall we play a game again to pass the time? How about the one where "one" means one but "love" means zero? Or we could write in our breath on the window

XO XO

as valediction becomes beasts of burden from the vantage point of window's outside looking in.

Whose son would like to meet the auto-pilot?

Whose son would like to meet the unmanned drones?

My seatmate, a veteran with a purple heart embroidered
over his actual heart, or thereabouts,

tells me: *the cruelest thing God did to us was give us a memory*

tells me: *I don't know why I'm on this side of the grass*

To the left of the still life, an explanation in translation:

Even the dew and waterdroplets have not been forgotten.

I don't believe I don't believe

is not the same as simply faithless

In every version of the story, the blade
finds her neck three times

Is this then what
we call the truth?

The nuns scuttle out to stand above the saints' remains and sing in heterophony.

The sky does its decent impression of a ghost. Each startling a grace note, the flock
unfolds its unplayable music, glissandi over the bus station, ad libitum. Too young to
sit on the piano bench, the child reaches up her fists to pound the keyboard. The
dissonance startles her silent. She calls this before and after song.

The film of fog, a nictitating membrane,
shields the city's eyes.

You can repel the starlings with recordings
of their own cries of distress.

The sun liquidates its assets, brazen
blazing, taking us all down with it.
CEO, presiding priest, inserts
the usual valediction here, O
most over and misused "Sincerely."

My sister to her daughter upon
trying to grab the toy:

what do we say?

[Silence.]

What do we say when we want something?

So this is the lyric "I" of the lyric storm.
It's awfully quiet in here.

Clearly, there has been a terrible accident.
A foghorn and an empty bench at the edge
of a cliff staring at what we know to be
horizon, now gauzed and bandaged blind,
immobilized indefinitely. The whole landscape's
in traction. My phone gets no service here,
so if I'm the world's emergency contact,
the world may be waiting a long time.

Inside the accident,
our secret hands shake.
Here, birds are information,
call and re-call,

a tainted batch of verbiage.

The proper terminology's
"first contact" not "discovery."

We have created
the eye that we once thought touched us
with its light, the eye that we once thought
an attic annex one had
to stoop to enter.

Ye shall know them by the mapped
capillaries of the retina,
by the orbits of the fingerprints,
by their digital signatures.

There are two font families by which ye shall know them
*(any communication pieces designed with other type fonts
must be approved by Corporate Marketing prior to production.)*

I'm no rule breaker.
I'm trying to cry into this
travel-size receptacle.

No film no firearms?

Echoes coo. Why won't the distance think
for itself for a change?
I love that ring too much to wear it.

I confess I fear less that which pursues me
than that which I cannot not hold tight.

I'm sorry to be the breaker but stop looking here on land.
The end of the line in the sand's in the sea.

Ask me to ask me yes or no questions.
Yes, I asked
(the "yes" in "eyes"— the "no" in "now")

I am no blissful bored historian of heaven doing diligence to eternity, custodian of
clean conscience striving to keep blank pages so, so forever may feast its blind eyes
on the glow of all that need not be said, story-less storyboard, a row of windows
headed past the setting sun as the airplane banks toward the "See fewer choices"
menu option never to return.

Here's the part where
I rest my case

in your lap. When the agents approach, you have

to insist that you packed it yourself. It's almost true
to tell them that you've always had it with you.

Травелог

Голубое детское сидение для машины
на тротуаре — бери, кто хочет.
К ручке скотчем приклеена записка:
НЕТ АВАРИЯМ. Часть меня
хочет зашвырнуть его в море
движущихся машин, чтобы увидеть
как контекст побивает текст,
чтобы сказать: «Я неплохо поучаствовал в этом»
(не «не-плохо», а «неплохо»). Минус минус.)

Голос нашего поколения — это:

- А. эхололия набитого стадиона;
- Б. эхо пустого стадиона;
- В. плейлист в режиме «случайно»;
- Г. та форма Я люблю тебя , которой тебя учит твой «базовый» разговорник,
это Я люблю тебя , используемое только любовниками. Идет сразу под
Потанцуем? и прямо над
Выздоровливай
- Е. все перечисленные варианты

или ни один?

Время просыпаться нет нет времени просыпаться несколько часов тому оде одеваться темно-
коричневые туфли и пальто надеть потом снять наши темно- коричневые туфли и пальто для
просвечивания
чтобы лучше видеть сквозь нас часы снять часы которые должны были разбудить
нас тому назад с невключенным будильником от этого включается будильник мы стоим
в носках проклиная небо пока самолет занимают самолет занимает
свое место в общем узоре без нас.

(все в порядке превыше всего касательно всего, что выше)

Зеркало моего разума
повторяет то, что я хочу
увидеть в тебе
во мне.

Новости говорят
относительный успех
говорят
вознаградить за былую щедрость
говорят
теперь меньше «западных» излишеств
говорят
ставит в контекст нынешние надежды

Возможно, это все-таки было эхо.
Возможно, это все-таки было эхо.

Время просыпаться. Высшие силы обмениваются уснувшими.

Я все еще пьяная, всё двоится
агенты дважды отправляются по своим
двойным делам
дважды целуя
своих двоежен на прощание,
прощание.

Ушипните меня. Скол сна: телевизор убивает время научной фантастикой: Я готова. Я готова.

Вопросы для повторения:
Почему «это» приняло форму ее отца? В чем разница между агентством и департаментом? Всего лишь двоицца? Угрожающе грубые грани, правда?

Переделайте эхо в действие. Испытайте меня. Было ли это было прикольнее для арбитров до перемотки? Утомленно

ушедшие губы

Мои фантазии настолько

больше.

(больше настолько фантазии Мои губы ушедшие утомленно)

Мой сын хотел бы познакомиться с пилотом хотел бы пару пластиковых крыльев приколоть к своему пиджачку но кабина плотно закрыта и стюардесса так серьезно занята тележкой с напитками. Приносим свои извинения за технические проблемы с показом фильма и работаем над тем, чтобы проблемы разрешились как можно скорее. На экране, - правда, беззвучно, - красавчик потеет, приклеивая рубашку плотнее к контурам тела, обезвреживая бомбу в туалете движущегося поезда. Который провод? Бум! - лица злополучных пассажиров, бум! -

ствол пистолета, все остальное размыто.
В случае чрезвычайной ситуации включится подсветка проходов.

Список дел:

- устроить переворот затем возместить потери
- показать незнакомцам голую правду;
- отнести покрасневшее пальто в химчистку;
- выиграть бесплатный кофе
- выиграть время
- помолодеть к тебе в объятья

Случайные прохожие случайно проходят.
Вы не видели красный провод?
Облако — укрытие неба.
Здесь не на что смотреть).

(Силком, цирком они сделают так, что здесь будет не на что

смотреть).

Проходим, проходим.

Мама, можно я скажу и займу себя? Может, поиграем в игру, чтобы время прошло быстрее? Как насчет той, в которой «один» - это один, а «любовь» - это ноль? Или можно своим дыханием написать на окне ЦАЛУЮ

пока прощание превращается в тягловую лошадь глядящую на нас с командной высоты за окном.

Чей сын хотел бы познакомиться с автопилотом?
Чей сын хотел бы познакомиться с беспилотником?

На соседнем сидении ветеран, у которого пурпурное сердце
вышито поверх настоящего сердца или где-то рядом
говорит мне: самый жестокий поступок Бога — то, что он дал нам память
говорит мне: не знаю, почему я нахожусь с этой стороны травы

Слева от натюрморта переведенное объяснение:
Ни капля росы не забыта.

Я не верю Я не верю -
это не просто «неверующий».

В каждой версии рассказа лезвие
трижды находит ее шею.

Это ли, соответственно, то,
что мы называем правдой?

Выплеснувшиеся наружу монахини стоят над останками святого и гетерофонно поют. Небо
довольно успешно притворяется духом. Стая разворачивает свою неисполнимую музыку,
выклика всякая свой форшлаг, глиссандо над автобусной остановкой, ad libitum. Слишком
маленькая для фортепьянного табурета, девочка кулачками дотягивается до клавиш.
Диссонанс ошарашивает ее до немоты. Она называет это до и после *песней*.

Пленка тумана, его мигательная перепонка
защищает глаза города.
Можно эхом отзываться на выклики, записав пленку
с их собственными горестными вскриками.

Солнце ликвидирует свои активы, нагло сияя,
сверкая, свергая нас со служебной лестницы.
Гендиректор, жрец-председатель вставляет
свое обычное прощание, О,
затасканное и лживое («Искренне Ваш»).

Моя сестра — своей дочери, пытающейся
ухватить игрушку:

что мы говорим?

[Немота]

что мы говорим, когда нам чегонибудь хочется?

Вот оно, лирическое «я» среди лирического шторма.
Здесь чудовишно тихо.

Явно случилась ужасная авария.
Туманный горн и пустой табурет на краю
обрыва неотрывно вглядываются в то, что мы привыкли
считать горизонтом, - теперь оно забинтовано, ослеплено повязкой,
обездвижено на неопределенное время. Весь ландшафт лежит
на вытяжке. Мой телефон здесь не ловит,
так что если я — опекун мира в случае чрезвычайной ситуации,
миру, возможно, придется как следует подождать.

Внутри аварии
у нас тайное рукодрожание.
Здесь птицы — информация,
дозвоны и перезвоны,

подпорченная партия пустословий.

Правильно говорить
«первичный контакт», а не «открытие».

Мы создали
око, о котором думали, что оно касается нас
светом, думали, что оно
пристроенный к дому чердак,
требующий поклона
при входе.

Да опознаешь их капиллярной
карте на сетчатой оболочке,
по орбитам отпечатков их пальцев,
по их подписям электронным.

По двум семействам шрифтов да опознаешь их
(любые элементы коммуникации, составленные с использованием других шрифтов,
должны быть утверждены отделом корпоративного маркетинга до запуска в работу.)

Я правил не нарушаю.
Я стараюсь лить слезы строго
в этот флакон, допущенный к перевозке.

Пленки есть Оружие есть?

Эха воркуют. Почему бы расстоянию
в кои-то веки не пораскинуть мозгами?
Я слишком люблю это кольцо, чтобы его носить.

Сознаюсь: того, что меня преследует, я боюсь меньше,
чем того, что я не могу прижать к себе.

Простите, что нарушаю, - но хватит поисков на земле.
Конец разделительной полосы - за береговой полосой.

Задайте мне задать себе вопросы «да»/«нет».
Я задала вопрос «Да»
(«да», которое во «взглядах», «нет», которое в «не теряя времени»)

Я не блаженный скучающий историк неба, корпящий ради вечности, не хранитель чистой
совести, силящийся сохранить чистые листы чистыми, чтобы Навеки могло пировать,
пожирая слепыми глазами сияние всего, что не следует произносить, бескадровой
раскадровки, линии окон, устремленной за край садящегося солнца, когда самолет
выворачивает в направлении строчки меню «Сократить список опций», чтобы никогда не
вернуться.

На этом
мое дело закрыто

и уложено к тебе на колени. Когда подойдут агенты, ты должен
сказать им, что собирал его собственноручно. Почти что честно
сказать им, что оно неотлучно было с тобой.

Director:
Eric Forsythe

Performers:
John Watkins
(*Poem for Russia with a White Plastic Wolf*)

Kendall Lloyd
Maggie Conroy
Saffron Henke

Matthew Zapruder is the author of three collections of poetry, most recently *Come On All You Ghosts* (Copper Canyon, 2010). His poems, essays and translations have appeared in many publications, including *Bomb*, *Slate*, *Poetry*, *Tin House*, *Paris Review*, *The New Republic*, *The New Yorker*, *The Believer*, *Real Simple*, and *The Los Angeles Times*. He has received a 2011 Guggenheim Fellowship, a William Carlos Williams Award, a May Sarton Award from the Academy of American Arts and Sciences, and a Lannan Literary Fellowship. He works as an editor for Wave Books, and teaches as a member of the core faculty of UCR-Palm Desert's Low Residency MFA in Creative Writing. He lives in San Francisco.

Book Wings Commissioned Work by Matthew Zapruder

POEM FOR RUSSIA WITH A WHITE PLASTIC WOLF

Dear Russian people
I am standing
like some retired general
above the wooden kitchen table
looking down again
on a map of the world

The red teapot rattles
and the radio worries
about the fate
of a hundred whales
trapped by ice

Everyone wants
you to send a ship
to get them out
as always some experts
say it's bad
to let our short term
sadness decide

Down I look
on massive Alaska
like the head
of a gentle white
snow beast always
across the blue strait
known as Bering
about to ceremoniously
kiss its mother

I like the way
the dotted line
separating our night
from yours comes
straight down then slides
to the right to pass
through the narrows

I place my finger
on Tin City
then abandoned Naukan
where Eskimo lived
until they were moved

and then I push
my pointer finger
with its pearl
nail like a cosmonaut
breathing behind
a face mask further
westward over Siberia
and the Sea of Okhotsk
towards Baikal older
than any thought

then over to empty
Dead Lake
Cheybek-Kohl

where no fish swim
high in the old
mountain place

Last night
at the Christmas party
at the top of a glass
hotel I drank
much amazing wine
thankfully no one
asked what I do

The electric heater
makes a rasping sound

A truck goes by
shaking the tiny
white plastic wolf
I placed in California

Away from the Pacific
to the east
and our capital
it turns its head
over an uncertain shoulder

POEM FOR AMERICANS

When I go to the bank
California mild
afternoon fills
my frame hollow
with desire
to formally say
American brothers
and sisters let us
look up from our screens

A tragic precursor
I walk condemned
to an easy life
balanced
on the suffering
of strangers
in another land
I might
someday speak to
when I call to complain

Inside the low
beige building I tap
my not really
secret code
and the machine
takes the paper
into this very real
legal fiction
I will die
without understanding

I pass an old man
holding a package
I feel sure he is
of something
a great master

I have been to Paris
and felt important
and proud to suffer
The president has just
finished speaking
and gone to the beach

Soon it will be Christmas
my childhood anxious
home in Maryland
onto the street
will glow
and I will touch
the banister I threw
a small wooden turtle
over then go
into the room
where I learned
to be so angry
staring into
the yellow book

All night Norse gods
and polar foxes
run my dreams

Everywhere I carry
some extra quarters
you never know
when you might see
an expiring meter

The American lie
is you and the man
wearing the uniform
can agree

Americans when
he comes
to your door
ignore the faint bell

Your desire to pay
what you owe
touches many things

Like a wife
blowing out some candles
battle it
in the darkness

Matthew Zapruder Translated by Anna Russ

Стихи к России и белый пластмассовый волк

Дорогие россияне
Я возвышаюсь
Как отставной генерал
Над обеденным столом
Глядя на карту мира
Дребезжит красный чайник
Беспокоится радио
О сотнях китов
В ледяном плену

И все ждут
Что отправят судно
Чтоб их спасти
И всегда есть умники
Считающие
Что нехорошо
Позволять эмоциям
Влиять на решение

И я смотрю
На большую Аляску
Похожую на голову
Спокойного белого
Снежного чудища
Из-за синего перешейка
По имени Берингов
Тянущегося к матери
С вежливым поцелуем

Мне нравится как
Пунктирная линия
Нашу ночь
Отделяя от вашей
Идет вниз а потом
Скользит вправо
По теснине канала

Я веду пальцем
Через Оловянную
И заброшенный Наукан
Где жили эскимосы
Пока не уехали
И я ставлю
Указательный палец
С перламутровым ногтем
Похожий на космонавта
дышащего
Сквозь защитную маску
Куда-то западнее Сибири
Где Охотское Море
И веду до Байкала
Который древнее
Чем Мысль

И дальше – в пустое
Мертвое озеро
Чейбек-куль
Где не водится рыба
В высоких древних горах

Прошлой ночью
На рождественской вечеринке
Под крышей стеклянного
Отеля я пил
Очень славное вино
К счастью никто
Не спросил чем я занят

Электрический
Обогреватель скрипит
Проехал грузовик

Подрагивает
Маленький белый
Пластмассовый волк
Которого я поставил
На Калифорнию
Отвернулся от Океана
На восток
На столицу
Глядит через
Неуверенное свое плечико

Стихи к американцам

Когда я иду в банк
Калифорнийский
Нежный полдень
Заполняет мой контур
опустошенный
желанием высказать
официально
Американские братья и сестры
Оторвем же взгляд
От экранов своих

Трагичный предтеча
Я приговорен
К легкой жизни
Уравновешенной
Мытарством того
Кого я замучаю
по телефону
Жалобами
На проблемы со счетом

Я в невысоком
Бежевом здании
Выбиваю не слишком
таинственный шифр
Машина работает
С настоящей бумагой
И чем-то фиктивным
Смысла чего
Я не пойму
даже на смертном одре

Прохожу мимо
Старика со свертком
Наверняка
Он великий учитель

Я был в Париже
И чувствовал важность
И гордость страдания

Президент только что
Прекратил говорить
И ушел загорать
И не за горами
Уже Рождество
Тревожный дом
в Мэриленде где
Прошло мое детство
Замерцает чтоб
Было видно с улицы

И я прикоснусь
К перилам через
Которые я
Деревянную черепашку
Швырнул и после
Войду в ту комнату
Где я научился
Быть таким злым
Пялясь в желтую книгу

Всю ночь напролет
Скандинавские боги
И снежные лисы
Мной водили во сне

Я держу про запас
Пару четвертаков
Ведь не знаешь где встретишь
Парковочный счетчик
Мигающий красным
Акт взаимопомощи

Великая Американская Ложь
В том что вам кажется будто вы
С человеком в форме
Можете как-то
Договориться

Американцы
Когда он приходит
В вашу квартиру
Забейте на вялый
дверной звонок

Желание платить
За все, что должны
Касается многого
С легкостью жены
Задувающей свечи
С ним боритесь
Во тьме

Director:
Zhenya Berkovich

Performers:
Svetlana Mamresheva
Yury Lobikov
Ilya Romashko
Yana Irfenyeva

Anna Russ was born in 1981 in Kazan, where she still lives. She won the Pokolenie Prize for Best Debut in 2002 in the category of Children's Literature and in 2010 she won the Triumph Youth Prize. Her poems have appeared in French and German.

Book Wings Commissioned Work by Anna Russ

NOKIA TUNE

Купол неба вот-вот истончится
В оболочке прорехи и дыры
И туристы из внешнего мира
Через них норвят просочиться
.....

Потусторонние силы
Духи, ангелы, инопланетяне
Попадают в нашу реальность
Извилистыми путями

Вот идешь с остановки и видишь
Зрением боковым
Фантастическое мохнатое существо
Успеваешь заметить
Только радужный глаз посреди головы
Глядь - а это грибок в песочнице
На детской площадке,
которой здесь не было отродясь
точно же не было
и чувствуешь, что уже не можешь
об этом думать
и ластик в голове - шварк-шварк
и возникает эта детская площадка
уже была здесь вроде
уже и год назад была
всегда была
и грибок был
или не было
да точно был

Вот так они нелепо и неловко маскируются
Как будто правила все еще есть
Но уже никто особо не следит за их выполнением
Надвигается что-то интересное
Новое
Аж голова кружится
И радужный глаз выкатывается
От нетерпения и любопытства

.....

Они давно пытаются донести
До нас информацию вселенской важности
Зашифрованную в последовательности
Звуков
Пяти
В народе эта последовательность зовется Nokia tune
Ту-ду-ду-дун-тун

Как всегда
Какой-то подросток дитя индиго
Принял сигнал
И немедля его загнал
Вдруг кто-то расшифрует
Еще и заработал неплохо

И этот сигнал постоянно раздается
В самые важные для нас моменты
Когда вот-вот раздадутся аплодисменты
Или надо предъявить документы

Или читаешь комменты

Но мы ленивы и нелюбопытны

- Сегодня мы пришли проводить в последний путь....
(раздается нokia тьюн
ту-ду-ду-дун-тун)

- По завещанию вся недвижимость уходит...
(ту-ду-ду-дун-тун)

- Берете ли вы Даниила Павловича в законные мужья?
(ту-ду-ду-дун-тун)

- И кто?! Катюх, ну кто это?! Мальчик?! Мальчик?!!!
(ту-ду-ду-дун-тун)

- А проект и место заместителя мы доверяем....
(ту-ду-ду-дун-тун)

- Суд постановил признать ответчика....
(ту-ду-ду..)
И приговаривает...
приговаривает с укоризной....
(..дун-тун, короче)

- Aaaaaand the Oscar goes tooooooooooooooo.... tooooooooooooooo.....
(сразу несколько нестройных голосов в зале и один за сценой: too-doo.. doo-doo... too..
too-doo.. doo-doo-doon-foon)

-
А вот мы недавно слушали в кафе.. я сказал в кафе? Я имел в виду консерваторию. Слушали Чардаш Монти. Ну и вот завершающий пассаж та-да-да-да-та-да-да-да-та-да-да-да-та-да-да-да-ДАМ ТАМ
(ту-ду-ду-дун-тун)
ТАММММ!!!!!!!

Просить отключить толку нет.
Если звонком стоит Нokia Тьюн
Он все равно зазвонит

Это предупреждение о Конце
Или мольба о помощи
Или вся многовековая история народов планеты Прозерпина
Или объявление войны
Или предложения руки и сердца
Или слово "ПРИВЕТ"

Мы этого не знаем
И не пытаемся узнать

- Скажите нормально!
Не канифольте мозги!
Харе шифроваться! -
Говорят пользователи телефонов Nokia и других телефонов

- Вот я отжог! - думает наивный обладатель Самсунга.
Загрузил себе Nokia Тьюн на звонок, интересно, кто-нибудь заметит?

Никто не заметит
Невнимательны
Нелюбопытны

Да к тому же полифония искажает оригинал
И враги человечества предлагают бесплатно закачать новый рингтон
Teardrop, SpongeBob или Стрыкало

Скоро сигнал совсем сойдет на нет
Торопитесь, земляне
Еще есть время

Слушайте
Слушайте
Слушайте

Слушаете звездную музыку
Слушайте шепот вселенной
Слушайте голос отдуова
Слушайте мантру из космоса

Слушайте Nokia Tune

Ту-ду-ду-дун-тун

Флешмоб

Прежде чем все наши души отправились по адресам
Все они принадлежали народу
От которого никого не осталось
Говорят с неба постигла кара
Говорят это был дождь из острий
Но кто может знать наверняка
Ведь никого не осталось в живых

В тот день когда это случилось
Души разделились на две расы
Тех кто смотрел под ноги
Или на рушащиеся города
И умирающих близких
И тех кто успел посмотреть в небо
И встретить глазами небесную сталь

С тех пор нас двое
Те кто просто умирают
И те кто знают что их убивает
И все равно не отводят глаз

Так вот о чем мы ну да
Все началось с того что этот парень
Бенуа или как его там Делире
Работавший на МакДоналдс
(О этот рай всех планокуров!)
Фотографом-предметником
Это он сделал то самое фото двойного маффина
Прозванного в народе Тёрд Сэндвич
Короче это он запустил флэшмоб
Сроком на пять лет
И власти поддержали это проект

Он говорил
Вместо того чтоб пытаться что-то нам запретить
Легализуйте марихуану и мы сами разберемся в своих головах
Почувствуем жизнь как она могла бы быть
Мы сами все себе запретим
Но никто его не послушал

Тогда он сказал

"У нас разные религии
Но все мы знаем -
хорошо быть маленьким рядом с Большим
страшно быть большим рядом с Маленьким

Он не может услышать каждого из нас
Но чего нам стоит
1. Выйти на улицу в один день, час, минуту (ссылка на таблицу часовых поясов)
2. Поднять головы к небу
3. Сказать что-то, что знают все, чтобы прозвучало
Одновременно
И тогда Он не сможет нас не услышать
И если Он есть
То что-то произойдет

За пять лет мы успеем подготовиться"

И ВСЕ ЕМУ ПОВЕРИЛИ

Через год уже только и разговоров было
Что о флешмобе
Все темы в поисковиках
флешмоб флешмоб флешмоб

Лидеры 42 государств схватились за головы
Собрались в кои-то веки вместе
Никто не знает о чем они там говорили
Но выйдя сообщили журналистам
Дескать хватит обещать людям
Развитие культуры науки и экономики
Люди хотят Бога
Пусть они его получают
Иначе зачем они нас выбирали
Главное организовано чтоб и
Дисциплинированно
Чтоб все знали наизусть что там надо
Тоже кстати надо обсудить что именно

И с тех пор флешмоб заручился поддержкой всех государственных СМИ
Тогда конечно все начали саботировать акцию
Пошли антифлешмобные демонстрации
Церковь орала: "Опомнитесь!"
И тогда всем предложили денег

И церковь сказала
"Хорошо но чтоб это были молитвы"
Какие молитвы возражали главные умы
Молитвы все разные на разных языках
А тут фишка что именно все должны знать
и произносить одинаково
Чистый хор неразумных голосов
Как дети

Вообще надо сказать что на тот момент из всех религий
Остались только Тибет и иудеохристиане

А когда Далай-Лама
Не обломался приехать к Бенуа Делире
Чтобы рассказать ему о двух расах
И о сером дожде из острий
Бенуа долго молчал
Догонял вроде как
А потом изрек

Что теперь если что
Мы снова объединимся в одну расу
И у новых душеносителей
Не будет ни войн ни ссор ни междуусобных косяков
Все будут смотреть в небо

Может и не быть новых сказал Далай-Лама
И удалился

И вот отметили всем миром Рождество
А на следующий день

Все кого смогли достать радио газеты tv и интернет
Жители всех цивилизованных стран и колоний
Конечно несколько тысяч диссидентов осталось дома
Но это как выборы - именно ваш голос ничего не решит

На улицах раздают калачи и сосиски
Наливают горячий сидр
Тут светло
Там темно
Часы на всех башнях и табло горят и стучат одинаково
И этот гул наполняет воздух
Ужасом и восторгом Неведомого
Все радиостанции передают одно и то же
Тук-тук Тук-тук

И вещатели на площадях
Громкоговорители
Динамики

Тук-тук
Тук-тук
Тук-тук

Это Великий Метроном

Под который все эти люди
Заполнившие площади
проспекты
проезды
авеню
улицы
переулки
тупики

Сидящие на крышах
Стоящие на балконах

Везде везде везде везде
везде везде везде везде
везде везде везде везде

везде везде везде

Повсюду

Поднимают головы к небу
И по указанному сигналу
раздававшемуся изо всех этих динамиков и вещателей
Одновременно

Одновременно
Начинают:

"HAPPY BIRTHDAY TO YOU
HAPPY BIRTHDAY TO YOU
HAPPY BIRTHDAY HAPPY BIRTHDAY
HAPPY BIRTHDAY TO YOU"

Дворник

Старожилы не помнят снежной такой зимы
Спрашивается, при чем тут мы
Из подсобок извлекаются лопаты, скребки, ломы

Понимая, что нет глубины, а лишь высота у его паденья
Дворник Андрей Платонов озирает свои владения
И все же думает: "Где я?"

Дома его держат за идиота
Не понимают, зачем ему такая работа
Результат которой - не удовольствие от процесса, не
Деньги, а лишь мозоли и ломота в спине

Два часа ежедневно он очищает от снега маленький пятачок,
Получая за это едва ли не пятачок
Наутро снег выпадает снова
Хреново

Но выполнимо
В отличие от иного, которое кажется мнимо
Бесконечное выяснение отношений
Работа, не предполагающая повышений
Родители, не подумавшие о благополучии многочисленного потомства
В девяностые
Когда это было относительно просто
Долгая зима, не обещающее отдыха лето -
Все это не то, о чем должен думать джедай с Лопатой Света
В эти размышляет часы он о чем неизвестно это

Благословен, кто может каждый день заканчивать дело
Это награда для Зрячего, не видящего Предела
Только не спрашивайте, почему он снег убирает почти бесплатно

Это и так понятно
Он убирает снег, чтобы снег был убран
Не важно, что он увидит утром
Главное - что он созерцает вечером перед тем, как идти домой
И почивать во дни Шестой и Седьмой

Уважаемые

Уважаемые обитатели мира «планета Земля»!
Вынуждены сообщить вам
Что гарантийный срок вашего мира подошел к концу
Страховая лицензия не будет продлена
В связи с невыполнением Условий Контракта

Мы со своей стороны выполнили свои обязательства
См. прилагаемую таблицу:
Предотвращение катастроф органического происхождения – 84%
Предотвращение катастроф, связанных с транспортом индивидуальным – 79%
Предотвращение катастроф, связанных с транспортом общественным – 87%

Предотвращение несчастных случаев, связанных с оборудованием – 91%
Предотвращение несчастных случаев, связанных с неосторожным обращением с
огнеопасными и химически активными веществами – 89%
Предотвращение преднамеренных убийств – 81%
Предотвращение непредумышленных убийств – 92%
Предотвращение нелепых случайностей – 99% (потому они и считаются нелепыми)
Устранение потенциальных палачей, тиранов, диктаторов и серийных маньяков
в отроческом/младенческом возрасте – 89%

(Напоминаем, что стопроцентная защита исключена в связи с необходимостью
предотвращения демографической катастрофы)

В ответ в свою очередь
Мы хотели получить от вас сухую мелочь –
Всего лишь шесть миллиардов взглядов в небо ежедневно
Немало, но если поделить на всех жителей планеты –
Выходит всего ничего
Вы и с этим не справились
Даже когда на ваши головы падали
Окурки, метеориты и птичье дерьмо
Самолеты и сосульки
Даже тогда вы упорно пялились под ноги
Что вы там планировали увидеть?
Боялись оступиться?
Боялись попасть в процент демографической защиты?
Как дети малые
Как будто нас все это время рядом не было

Все, короче
Теперь все изменится

Советуем вам быть предельно внимательными
Максимально осторожными
Плодитесь и размножайтесь
Соблюдайте правила дорожного движения
Внимательно читайте инструкции
Смотрите по сторонам
Не заговаривайте с незнакомцами
Предохраняйтесь
Берегите детей
Надейтесь, что тиранами и серийными маньяками станут не они,
А чьи-нибудь еще дети
Не поднимайте руки на соседа своего
Возлюбите ближнего своего
Молитесь, и да будет вера ваша непоколебима
Держитесь за руки
Крепче держитесь за руки
Еще крепче

И вот еще –

Почаще смотрите в небо
Просто так
Безвозмездно

Translations of Anna Russ by Mayhill Fowler & Quan Barry

Nokia Tune

Already the dome of the sky is growing thinner
Gaps and holes appearing in the dainty shell overhead
Where tourists from the alien world
Attempt to seep through

...

These otherworldly forces
Spirits, angels, those from strange realms
Will tumble into our reality
Along curious paths

It happens on your way home from the station
With a sidelong glance you see
A furred and fantastical creature
And in your rush to observe it
You notice there is only one iridescent eye in the middle of its head
Then voila! suddenly it's just a mushroom in a sandbox
On a children's playground
A mushroom which was not there a moment ago
And already you cannot
Remember the furred and fantastical creature
The eraser going in your head—the sound of it rubbing out the image
The children's playground restored
As it always was
Yes always
As the mushroom was
Or was not
Yes as it was

So in this way "they" are awkwardly masking themselves
As if the rules still existed
Though no one is checking to make sure said rules still apply
Instead the arrival of something strange
An alien thing
Unearthly enough to make your head spin
As its iridescent eye flutters
From intolerance and curiosity

....

For a long time "they" have been trying to bring us
Information of universal importance
Secretly encoded in a sequence
Of five sounds
Among the common people this sequence is simply known as the Nokia song
Ta-doo-doo-doo-dum

As is the way in these affairs
Some indigo child
Latched onto the signal
And meticulously hunted it down
Immediately thereafter someone else decoded it
Turning a modest profit in the process

And this signal continuously sounds
In our most important moments
Right as the applause kicks in

Or when you have to show your documents
Or read social network comments

But we remain unfazed

--"Today we have arrived on the final path..."
(The Nokia song goes off
Ta-doo-doo-doo-dum)

--"According to the deceased's last will all the property will be left to..."
(*Ta-doo-doo-doo-dum*)

--"Will you take Daniil Pavlovich as your lawfully wedded husband?"
(*Ta-doo-doo-doo-dum*)

--"And we officially confirm the office and the post of the deputy..."
(*Ta-doo-doo-doo-dum*)

--"The court has decided to acknowledge the..."
(*Ta-doo-doo-*)
"And rules in favor of...."
(...*doo-dum*)

--"And the Oscar goes to....."
(Immediately a chorus of discordant voices in the hall and one behind the scenes:
(*Ta-doo-doo-doo-dum*)

And not long ago in the café....did I say in the café? I meant in the conservatory. During the concluding passage of the Csardas Monti. *Ta-da-ta-da-da-ta-da-ta-da-DA-DUM-DUM-DUM!!!!!!!!!!!!!!*

...

There's no point asking to disable it

Besides if it's the Nokia song
Then it'll still ring anyway

This is either a warning about the End
Or a prayer for help
Or the age-old story of the people of the planet Proserpine
Or a declaration of war
Or a marriage proposal of hand and heart
Or the word "Greetings"

We don't know
And we don't try to find out

--"Say it normally!"
--"Don't mess with the brain!"
--"Don't hide!"
Say the Nokia users and users of other telephones

"Look, I pimped it!" claims a naive Samsung owner.
He downloaded the Nokia song as a ringtone on his Samsung--interesting, but will anyone notice?

No one will notice
No one is paying attention
No one is curious
Yes, the additional polyphony is harming the original signal

Not to mention the enemies of mankind have offered a free download of a new ring tone
Teardrop, SpongeBob or Strykalo

Soon the signal will completely fade out
Hurry up, earthlings
There's still time

Listen
Listen
Listen

Listen to the starry music
Listen to the universal whisper
Listen to the voice from out there
Listen to the mantra from the cosmos
Listen to the Nokia Tune

Ta-doo-doo-doo-dum

Flashmob

Shortly before our souls were disposed of
They belonged to a race of people
Of whom now nothing remains
They say a punishment fell from the sky
A slashing rain of sharp points
But who can know for certain
Since none remain alive

On the day it happened
Souls were divided into two races
Those who kept their eyes on the ground
Or on the moving cities
Or on loved ones who were dying
And those who managed to look up into the sky
Laying their eyes one last time on the steely heavens

From this point onward we became two races
Those who simply lie down and die
And those who know that even though it's killing them
They can't look away

And what about it?
It all began with this guy
Benoit or maybe Delire
Who worked at McDonald's
(O that haven of pot smokers!)
As a photographer and teacher
It's he who snapped the very first photo of the Double McMuffin
Which came to be known by the people as the Turd Sandwich
In short he incited a flashmob
Which was five years in the planning
And the Powers That Be supported this project

It was his way of saying
We shouldn't attempt to deprive ourselves
For example if we legalized herb it would sort itself out
We would live life as it should be
With our own selves in the driver's seat saying yes or no
But no one listened to him

Then he said
"Though different religions exist
We all know
Good to be Small next to Big

Scary to be Big next to Small

Simply put He cannot hear each one of us
Consequently it will be enough

1. To go out in the street at the same minute of the same hour of the same day (obviously we'll
need to consult a time zone chart)

2. To raise one's head to the sky

3. To shout something universal in order that it be shouted

At the exact same time

And then HE cannot not listen to us

And if He exists

Then something's gotta give

We should give ourselves five years to achieve this"

AND EVERYONE DID AS HE SAID

A year later there had been a lot of talk

About the flashmob

All the possibilities filtered through search engines

Flashmob Flashmob Flashmob

The leaders of forty two governments put their heads together

And gathered at once

Though no one knew what they discussed

But after the meeting they told the press

To tell the people

That they were developing cultural sciences and economics

"If the people want God

Let them receive Him

Otherwise why did they choose us

However the main thing is to be organized so that

It's disciplined

And everyone knows what's expected of them

Also, by the way, we should discuss exactly what we're up to"

And from that point forward the flashmob secured the support of all the world's Governments
and the mass media

Though of course in time some started to sabotage the plan

Anti-flashmob demonstrations formed

The church cried "Wake up!"

And then everyone was offered money

While the church said

"Good but don't forget to pray!"

Prayers were then put forward by the best minds

Prayers in all sizes and colors and in all languages

But the question became what exactly the world's people all knew in common

That they could say at the same time

A choir of pure and ingenious voices,

Like children

It should be mentioned that at this time of all the world religions

Only Tibetan Buddhism and Judeo-Christianity remained

Therefore the Dalai-Lama

Stuck to his scheduled meeting with Benoit Delire

In order to tell him about the two races

And about the slashing rain of sharp points

Benoit was silent for a long time

As if beat down

And then he said

"What if we unite as one race

Where there is neither war nor argument nor internecine strife

Where everyone just looks at the sky—

A new race of spirit-carriers?"

"Maybe there won't be new ones," said the Dalai-Lama
As he went away.

And voila! how Christmas was celebrated by the whole world
And on the next day

Everyone who could get their hands on a radio newspaper tv and internet
Inhabitants of all civilized countries and colonies
(Of course several thousands dissidents stayed home
Because just like an election, your one voice won't decide anything)

On the streets they gave out cakes and sausages
Poured hot cider
In some parts of the world it was light
In others it was dark
Everywhere the clock towers and scoreboards burned as they struck the same time
A rumble began to fill the air
With terror and ecstasy at the impending Unknown
Radio stations announced the time
Tic-tok tic-tok

And the broadcasters on the squares
Thundering
Through loudspeakers

Tic-tok
Tic-tok
Tic-tok

A World-wide Metronome

On account of which all these people
Filled the squares
Boulevards
Thoroughfares
Avenues
Streets
Lanes
Dead-ends

Squatting on roofs
Standing on balconies

Everywhere everywhere everywhere everywhere
Everywhere everywhere everywhere everywhere
Everywhere everywhere everywhere everywhere

Everywhere everywhere everywhere

From everywhere

They raise their heads to the sky
And when prompted
By the speakers and broadcasters all the world over
At the same time

At the same time
They begin:
"HAPPY BIRTHDAY TO YOU
HAPPY BIRTHDAY TO YOU
HAPPY BIRTHDAY HAPPY BIRTHDAY
HAPPY BIRTHDAY TO YOU"

The Janitor

The old-timers don't recall such a snowy winter
From the storeroom shovels, rakes, crowbars are dragged out
It is asked what we're doing here

Understanding that there is no depth but only height in the falling
The janitor Andrei Platonov surveys his possessions
And thinks yet again: "Where am I?"

The others in the house consider him an idiot
They don't understand why he does such work
Work which is unfulfilling, grossly underpaid
And only results in backaches and calluses

For two hours each day he clears the snow from the town square
Receiving barely a quarter for this
And in the morning the snow falls again
It sucks

But we do it
Each in his own fabricated way
An endless commentary on relations
A job with no promise of promotion
Parents who don't dwell on the benefits for future generations
In the '90s
It was all relatively easy
Winter without the promise of summer—
All this is not what a Jedi armed with a lightshovel should be thinking
Instead in times like these he thinks about what is unknown

Blessed is he who completes his daily tasks
This is the reward for Perceiving, for not acknowledging the Limit,
Only do not ask why he is clearing snow practically for free

In this way it is understood
He is clearing away the snow so that the snow is cleared away
It is not important what he sees it in the morning
The important thing is what he sees in the evening before going home
And that he rests on the Sixth and Seventh day

Dear Residents

Dear residents of the world known as Planet Earth!
I am required to inform you
That the warranty on your world has come to an end
The insured license will not be extended
In connection with your not fulfilling the Conditions of Contract

From our perspective we have fulfilled our obligations
See the attached table:
Prevention of catastrophes of natural origin—84%
Prevention of catastrophes connected with private transport—79%
Prevention of catastrophes connected with public transport—87%
Prevention of unfortunate accidents connected with tools—91%
Prevention of unfortunate accidents connected with negligent use of flammable and chemical agents—89%
Prevention of murders with malice aforethought—81%
Prevention of murders without malice aforethought—92%
Prevention of awkward happenings—99% (precisely because they are considered awkward)
Removal of potential torturers, tyrants, dictators and serial maniacs in adolescence/ child-

hood—89%

(We remind you that 100% coverage is forfeit in connection with the need of avoiding a pandemic catastrophe)

For your part in return
We want to receive from you an utter trifle—
A mere 6 billion glances skyward each day
It's not nothing, but if you distribute it among all the inhabitants of the planet
It's next to nothing
You have not managed this
Even when meteorites and bird droppings
Airplanes and icicles
Fell on your heads
Even then you stubbornly peered at the ground under your feet
What did you plan to see there?
Were you afraid to let go?
Were you afraid the percentage of your earthly coverage would plummet?
Always like little children
As if we were not next to you this whole time

And so that's it, in short
Now everything will change

We advise you to be cautious
To be maximally careful
To be fruitful and multiply
To follow the rules of the road
To carefully read all instructions
To always look both ways
To avoid talking to strangers
To protect yourselves
To keep your children safe
And to hope that they will not become tyrants and serial maniacs
As someone else's children will
Do not raise your hand against your neighbor
Love the ones close to you
Pray, and yes, let your faith be unbendable
Hold your hands
Hold your hands harder
Still harder

And here's another thing —

Look to the heavens more often
Do it
Without hope of reward.

Born in Saigon and raised on Boston's north shore, **Quan Barry** is Professor of English at the University of Wisconsin-Madison. Barry has published three books of poetry (*Asylum*, *Controvertibles*, and *Water Puppets*) with the University of Pittsburgh Press, and her work has appeared in such journals as *Ms.* and *The New Yorker*. Among her awards are a 2003 NEA Fellowship, a Pushcart Prize, and a Wallace Stegner Fellowship at Stanford University. Her first two-act play titled *The Mytilenian Debate* was a 2010 finalist for both the Eugene O'Neill National Playwriting Conference and the Lark Development Center's Playwrights' Week. Currently she directs the MFA Program in Creative Writing at the University of Wisconsin.

Director (Moscow):
Zhenya Berkovich

Performers (Moscow):
Svetlana Mamresheva
Yury Lobikov
Yana Irtenyeva

Director (Iowa City):
Carol MacVey

Performers (Iowa City):
Josh Sazon
Mackenzie Calkins
Tonja Robins
Lisa Merrill (Violin)

Book Wings Commissioned Work by Quan Barry

Three Variations on a Theme

Later in the famous library scene the three cosmonauts in their Sunday best
deliver an analysis of the fundamental problem
in his endless search for truth Man is condemned to knowledge

we are only seeking Man we don't need other worlds [& I cried out in Aramaic
the tongue of the only god Rabboni it's me
noli me tangere he whispered & the world went black] we need mirrors

[don't cleave to me] so says the drunken character of Snaut with his face
slightly burned a clean tear in the right arm of his suit
throughout Tarkovsky's 1972 film the central tension involves the cosmonauts'

inability to understand Solaris an ocean planet on which the ocean itself
[comfort me with apples is a mistranslation
what Solomon meant sustain me with raisins put down a bedding

of apricots] displays a superior intelligence [sleep with me] in time
the space station is populated with human replicas
of long dead loved ones from the cosmonauts' tortured pasts replicas

constructed and sent by Solaris for reasons unknown and unfathomable
to the spacemen the planet either unaware of
or indifferent to [the last time we spoke on the phone one final moment

of connection take care he said but I knew what he was really saying]
or enthralled by the human pain caused by these
simulacra [don't need me] as the library scene progresses the viewer

watches the effect of the men's words on the simulacrum called Hari
Hari the reconstructed dead wife of the protagonist Hari
in her yellow and brown dress Hari with her hair tied back in a simple braid

Hari and her bare feet [in the semitic light I mistook him for the gardener
something in the look of his hands give me the body
I cried I am of his flock] pale as milk [believe me] Hari who is slowly

becoming human Hari alone who knows it all has something to do
[in the story of the teen prostitute how no one
so much as kissed her yet the maniac took up a gun so many ways to touch

someone] with the conscience [naïve me] the ending comes on
much as the film opened with the cosmonaut
Kris Kelvin standing in the idyllic wilds outside his elderly father's

lake house as Kelvin approaches he observes that it is raining inside
the house his father standing in the kitchen
unperturbed clouds of steam rising off the old man's back as the water

[when the world ends I will remember bits & pieces of my wicked ways
the seven demons of the flesh the sound of our moans
when one of them thought] streams down on him [to please me] finally

he turns and see his only son peering in at the window when he steps
outside Kelvin wraps his arms around the old man's
waist and falls on his knees his father finally [& tell the others I am

risen then he points away from himself & out into the stony world
I imagine his heart beating stay but his face says]
embracing him [leave me] conversely the conclusion of Stanislaw Lem's

1961 novel of the same name is completely antithetical to the hopeful
ending of Tarkovsky's film in the text Kelvin lands his
aircraft on a gelatinous spot on the watery surface of Solaris

the ocean [that a woman's touch would soil him the white robe forever
marred so much of what he preached I still don't
understand sister] viscous and inky [how it grieves me] the entire

human race had tried in vain to establish even the most tenuous link
with Solaris he says and it bore my weight without
noticing me any more than it would a speck of dust [& what of it

a man nailed like a bloody flag to two pieces of wood the duality of
the word cleave I get it now he was trying to]
most likely you are born with it [free me] ireland county tyrone

and in the old country you eat only the apples of the earth at age fifteen
you sail across your uncle and your aunt in Queens
waiting for your familial touch which kills once landed and the losses

start to pile up orphaned your whole tribe denigrated and besmirched
and so you do what those like you must do
you ascend from the five points to hell's kitchen to oyster bay park avenue

laundress maid dishwasher cook in the city 200,000 horses kept
which each shit twenty pounds a day the tenements
jammed up past every conceivable limit miasmas everywhere

and the very first name on your gruesome list the little girl who ate
the raw dessert fresh peaches and ice cream your hands
cupping the fruit as you peeled the skin they say when health inspectors

finally came you held a fork up to their throats and spit the tales
of your good health at them but all week
the specimen jars glowing in the lab and every time thereafter

Mary of the Bacilli Mary of the Fever Mary Asymptomatic Mary of the
Three Years in Isolation then Mary of the Release
and Mary of the Return Mary Who Couldn't Believe She Carried

Death Within the Four Chambers of Her Heart Mary of the Thirty Years on
Brothers Island Mary Who Couldn't Be Reached Mary
Who Meant No Harm Mary Who Tried to Carpenter a Space

for Herself in the Sun Mary Castaway Mary Forlorn Mary Who Just
Wanted to Live Among Us as Herself
[I don't know it yet but it's good advice I should write it down

somewhere star of the sea & the sea a sea of bitterness beloved]
another example of this inability [don't deceive me]
can be found in the opening minutes of Solaris a small dark-haired boy

presumably the son of the disgraced pilot Burton has been frightened
by something in the barn the boy found running
from the stable in tears in the sequence that follows the figure

of the old woman marches the child back into the barn where he is
forced to confront the thing isn't he beautiful
says the old woman the animal strangeness made apparent

as we encounter the creature from the point of view of the child
the thing alien and dark and without language
the unorthodoxy of its physical structure its 350° field of vision

its sight both monocular and binocular the dark pools of its eyes
that see everything at once:

Quan Barry Translated by Inga Kuznetsova

ТРИ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

Потом в знаменитой библиотечной сцене чудесным воскресным днем трое космонавтов обсуждают фундаментальную проблему в своих нескончаемых поисках истины Человек обречен на самопознание

мы только ищем Человека мы не нуждаемся в иных мирах [я кричала на арамейском на языке единственного бога Раввунни учитель это я не прикасайся ответил шёпотом и мир стал черным] нам нужны

зеркала [не проникай ко мне] так говорит нетрезвый Снаут персонаж с лицом слегка обожженным и чистой слезой на рукаве костюма весь фильм Тарковского семьдесят второго года пронизан идеей

невозможности понять Солярис планету-океан которая сама [освежите меня яблоками это неверный перевод вот что имеет в виду Соломон подкрепи меня изюмом уложи в постель абрикосовую]

демонстрирует высший разум [спи со мной] со временем космическая станция населяется копиями умерших что были любимы космонавтами в их мучительном прошлом копиями

созданными Солярисом по неизвестным непостижимым причинам отправленными космонавтам планетой или неведущей или безразличной [недавно мы говорили по телефону и напоследок

береги себя он сказал но я-то знала что это значит на самом деле] или очарованной болью которую вызвали эти симулякры [не нуждайся во мне] пока разворачивается библиотечная сцена зритель

видит как воздействуют человеческие слова на симулякр по имени Хари Хари воссозданную покойную жену протагониста Хари в ее желто-коричневом платье Хари с ее волосами собранными в простой хвост

Хари с босыми ногами [в семитском свете я приняла его за садовника было что-то общее в абрисе рук я закричала дай мне тело я из его стада] бледными как молоко [о поверь мне] Хари которая медленно

становится человеком одинокая Хари которая знает что это всё как-то связано [юная проститутка рассказывала что никто не целовал ее так как маньяк что поднял пистолет как много способов

прикоснуться] с совестью [сделай меня наивной] все заканчивается почти так как в начале фильма когда космонавт Крис Кельвин стоит в первозданных полях близ отчего дома у озера

приблизившись к дому Кельвин видит что внутри его дождь своего отца невозмутимо стоящего в кухне клубы пара вздымающиеся за его спиной и потоки воды

[когда наступит конец света я вспомню обрывки своей хулиганской жизни семь демонов плоти звук наших стонов когда один из них надумал] струящиеся по нему [доставить мне удовольствие]

наконец старик оборачивается и видит единственного сына который заглядывает в окно когда отец выходит Кельвин обвивает его руками и падает перед ним на колени отец обнимает его [и скажи остальным я воскрес

потом из своей оболочки выходит он в каменный мир я представляю его сердце бьется останься но лицо говорит] напоследок [оставь меня] итог одноименного романа

Станислава Лема шестьдесят первого полностью противоположен обнадеживающему финалу фильма Тарковского в тексте Кельвин сажает свой космолет на студенистый островок на поверхности вязко-

чернильного [прикосновение женщины его замарало бы и белая рубашка
была бы навеки грязна многое из того что он проповедует
я не понимаю сестра] океана Соляриса [как это меня печалит]

вся человеческая раса тщетно пыталась установить хотя бы какую-то связь
с Солярисом говорит пилот а он несет меня так будто я совсем не имею веса
замечая не больше чем круплицу грязи [и что из того]

человек будто флаг окровавленный пригвожден к двум доскам
двойственность этого мира разбита я наконец поняла он просто пытался]
вероятно ты с этим родился [освободить меня] в ирландском графстве Тирон

и в древней стране ты ешь лишь плоды земли и ничего другого
а в пятнадцать ты уплывёшь к своим дяде и тете в Квинсе
ожидая убийственного прикосновенья родства однажды придешь

и утраты начнут копиться осиротив всё племя опороченное запятнанное
и вот ты уже делаешь то что они от тебя хотят и на пять ступенек
ближе к адской кухне устричному заливу парковой авеню

прачка горничная посудомойка повар в городе с двумястами тысячами
лошадей в день от каждой по двадцать фунтов дерьма многоэтажки
перенаселенные сверх возможного повсюду миазмы

и самой первой строчкой в твоём жутком списке имя той малышки
которая ела на десерт свежие персики и мороженое твои руки
как чаша поддерживали фрукт пока ты снимала кожуру говорят когда

медицинская служба приехала ты подняв вилку к горлам инспекторов
плевалась врачами о своем чудесном здоровье но всю неделю
лаборатория трудилась над твоими анализами так и будет впрямь

Мария Бацилла Мария Горячка Мария Бессимптомная Мария
Трёх Лет Изоляции Мария Освобождения
и Мария Возвращения Мария Не верившая Что Она Несет

Смерть Всеми Четырьмя Камерами Ее Сердца Мария Тридцати Лет
На Братском Острове Мария Недостигаемая Мария
Не Желавшая Вреда Никому Мария Которая Лишь Пыталась Найти Себе

Место под Солнцем Мария Отверженная Мария Покинутая Мария
Которая Просто Хотела Жить Среди Нас Сама
[я пока ничего не знаю об этом но это и вправду хороший совет я должна записать

морская звезда и море море горечи о любимый]
другой пример этой невозможности [только не обманывай]
содержится в первых же минутах «Соляриса» темноволосый малыш

вероятно сын дисквалифицированного пилота Бёртона ужасно напуган
чем-то в сарае ребенок выбежал из конюшни весь в слезах
дальше мы видим фигуру пожилой женщины которая возвращается

вместе с мальчиком в сарай принуждая его снова столкнуться со своим
страхом оно прекрасно не правда ли говорит женщина и вся странность
животного выходит на первый план ведь теперь мы смотрим

на создание глазами ребенка оказываясь перед чем-то
инопланетным темным безъязыким с телом необычного
устройства с полем зрения в триста пятьдесят градусов взглядом

моно- и бинокулярным одновременно с темными
бассейнами глаз что видят сразу всё

Director:
Alan MacVey

Performers:
John Watkins
Ben Schlotfeld
Jessie Traufler
Amelia Peacock

Terrance Hayes is the author of *Lighthouse* (Penguin 2010), winner of the 2010 National Book Award and finalist for the National Book Critics Circle Award and Hurston Wright award. His other poetry books are *Wind in a Box*, *Muscular Music*, and *Hip Logic*. His honors include two Pushcart Prizes, five *Best American Poetry* selections, a Whiting Writers Award, a National Endowment for the Arts Fellowship and a Guggenheim Fellowship. He is a professor of creative writing at Carnegie Mellon University and lives in Pittsburgh, Pennsylvania.

Book Wings Commissioned Work by Terrance Hayes

INSTRUCTIONS FOR A SÉANCE WITH VLADIMIRS'

Feeble Heart beware: do not contact the spirits unless you are prepared for the ramifications of contact.

TWO REASONS SÉANCES WORK

1. The dead are lonely. Symptoms include a faint witchcraft, a boom bap, some clap-trap played in a parallel room. I'm thinking of "Self Destruction" performed by the Stop the Violence All-Stars. "I am too tough to die." This is the motto of the dead when they are alive.
2. We are lonely. Our symptoms include: talking alone, dancing alone and making love alone at least once a day. The symptoms of loneliness it is possible evidence a metaphysical hunger. The mouth on your navel is your own. You sprawl on a two-dimensional floor weeping. Your life is a series of unacknowledged sacrifices. (Only ghosts named Vladimir understand this.)

CREATE AN EXCLUSIVE BELIEVERS-ONLY INVITATION LIST

Invite as many open-minded Vladimirs as possible for they are like magnets attracting the Vladimirs who are dead. Vladimirs with 80's styled haircuts will attract top-hat Vladimirs. Vladimir the plumber will attract Vladimir the swimmer, as well as philosophical Vladimirs. A typewriter and wild disarray of papers should be set out to lure suicidal Vladimirs.

What you want is a Vladimir brigade. A mirror of the living reflecting the dead and visa versa. In the towering dusk, groaning and brushing Vladimirs. To overcome the cold one must conjure the supernatural world. Change your name to Vladimir.

NEVER CONDUCT A SÉANCE BY YOURSELF UNLESS YOU WANT TO GO INSANE.

I changed my name to Vladimir and we talked. I didn't drink water with my face. But I got the feeling of water underfoot. A version of vertigo. To overcome hunger you must swallow without biting. I wanted to drink, yes. So I changed my name to Vladimir. I like most people named Vladimir.

SET UP A SPIRIT-FRIENDLY ENVIRONMENT

The action should take place in a provincial room. The action should take place in a winter barn. The action should take place in an elevator. Do not put nails on the roads or stairs. Do not put dirt in the gasoline tanks or punch. Let's say you've gone back in time. The action should take place among the unwieldy entourages of the Grand Prince Vladimirs in a time of plague, pneumonia, paranoia, intellectual starvation, spiritual exhaustion, praffalls, missteps. It should be twelve o'clock noon; five soldiers should pass the house rapidly. The exact speed of light in a vacuum is roughly 300,000,000 meters per second.

FIVE THINGS YOU WILL NEED TO HOLD A PROPER SÉANCE

1. A CIRCULAR TABLE
Around which the skulls shall faint and float backwards with the skeleton of momentum and the gaping jaws and the clinging teeth, the little red heart beating center stage. A circular route of negative and positive transgressions. A means of disappearance and peace.
2. CANDLES
That stretch your tar-shaped shadow and illuminate the stack of Vladimir's books. Never read by candlelight, by the way. I didn't say sunlight. Moonlight. Fire. Your tar-shaped shadow, that double exposure. Burn red candles if you desire Vladimir in a halo of warplanes, burn borrowed

candles if you desire a Vladimir with a beautiful gangrene gaze. Break a single candle sick and burn each half if you desire the presence of a young bewigged Vladimir and a bald old mug-shot Vladimir.

3. INCENSE

Cinnamon provides energy and lures cats to the window; Frankincense expands consciousness and aids in meditation; Sandalwood grounds the participants and helps them to stay focused. Beware: there is such a thing as too much symbolism.

4. MUSIC

"Self obstruction, you headed for self abstraction." I'm sick of that song. Play some Vladimir Padwa, it will impress your guests. Maybe his "Tom Sawyer" concerto for two pianos. Or maybe play a DJ Vlad (Vladimir Lyubovny) mashup mixtape remix.

5. TAPE/VIDEO RECORDER

A man in one of the windows outside your house will be watching you.

SELECT A MEDIUM

If you can find your way to Russia's red light districts of distraction tall with vodka and smitten, look for the women cooing "oooo" in dark paneled cam rooms, safe-housed and exhausted enough to channel Death. Look for the woman lifting an uncoupled breast to the camera in a room without windows. If you hear the mechanical hum of the soul seeping out of her body, she's the medium you should use.

SUMMON THE SPIRIT

Begin by joining hands with the people on either side of you and closing your eyes. (A certain nobility is implicit in saying what I don't believe and hoping you believe it.) No door will open without creaking. Drugs help and are easy to use, but hard to acquire. I have two hands and they are not as similar as they seem.

Sample Ghost Summons # 1: "Hasten to Enter Shock Brigades of an Exemplary Labor."

Sample Ghost Summons # 2: Dear Heart, sometimes there is a hunger I know to be your absence. It is a darkness and a loudness. It is a nest holding rows of eggs without hearts. I fit my head around it. A dream of you asking the northern sky for a coat of abominable light.

Sample Ghost Summons # 3: "Now I am quietly waiting for / the catastrophe of my personality / to seem beautiful again, / and interesting, and modern."

Repeat selected summons until there is a response.

POSSIBLE PASTIMES OF VLADIMIR IN THE AFTERLIFE:

- VLADIMIR COUNTING PAPERCLIPS
- VLADIMIR DRIVING A NIGHT ROAD IN A WIND STORM
- VLADIMIR DREAMING OF ARROWS
- VLADIMIR READING A BOOK ABOUT FLYING
- VLADIMIR AT THE FOOT OF A MOUNTAIN
- VLADIMIR IN A TIME MACHINE
- VLADIMIR IN A STEEL MILL
- VLADIMIR EAVESDROPPING ON CHEKOV AND ARISTOTLE
- VLADIMIR LEANING ON A TELEPHONE POLE
- VLADIMIR AS A MATRYOSHKA NESTING DOLL
- VLADIMIR WITH A GUN IN HIS MOUTH
- VLADIMIR HAUNTING YOUR MOTHER

IF YOU'RE LUCKY

Six hours later Vladimir might say Hello. [*Vladimir's voice is thin and breathless as though he has just run up a steep flight of stairs.*] The light on Vladimir is thick and elegiac. You are, indeed, in

the company of the dead and chatting with the dead:

[Enter Vladimir in a trench coat. He fishes in his pockets for something removing assorted articles: a beer bottle, a wrist watch, ticket stubs, at least half a dozen keys, a drum stick, eye-glasses, a tube of toothpaste. When his pockets are empty, he removes the coat and scratches his head, pondering.]

Vladimir may appear to have been drinking. The glow of his jaws may suggest he has a burning light bulb in his mouth. A little red ribbon of blood may run down his forehead like a little red ribbon.

Some Vladimirs may come with props and predisposed poses. Nabokov, for example, may open his mouth to reveal a beautiful slightly trembling butterfly. Tretchikoff may come wearing a kimono and makeup. Chertkov might insist you call him Leo Tolstoy, his spiritual twin. Refusing to speak plainly, Lenin will likely sing his news and conjectures. "Capitalism lives on the witless blood of the young," he will likely sing in a gruff operatic falsetto.

POSSIBLE QUESTIONS FOR VLADIMIR

- What do I love and why should I love?
- Who do I know named Vladimir and who will care to hear about Vladimir?
- Will touch be unnecessary in the future?
- If the chief faith of my people is the chief business of my people, what is the chief flaw of my people?
- If the chief obsession of my people is the chief business of my people, what will be the chief downfall of my people?
- What is the meaning of meaning?

(The answers of the Vladimirs may be varied, imaginative and occasionally indecipherable.)

POSSESSION

If the séance is going well, invite the ghost into your body. It will be akin to being a two-headed, one-manned proletariat. You will be tired people. It will be like being asleep and hating to sleep. Like trying to hear one's self snore loudly. When a little more time has passed, you will experience a wonderful futuristic mood. You will be born in a state longing for life.

WHAT NOT TO DO

AVOID SUMMONING MULTIPLE GHOST VLADIMIRS

They will agree on nothing:

Vladimir #1: I remember like it was now.

Vladimir #2: No, it's me who remembers like it was now!

Vladimir #3: You remember like it was now, but I remember like it was before.

Vladimir #4: But I remember like it was before like it was now.

Vladimir #5: I remember how it was even before that, a long, long time ago!

Vladimir #6: I remember now it was before and like it was now!

AVOID SUMMONING MUNICIPALS OF VLADIMIR

Avoid summoning the more than 345,000 Vladimiriens 200 kilometers (120 mi) to the east of Moscow along the M7 motorway. Citizens of the White Monuments of Vladimir. The five-domed Assumption Cathedral of Vladimir. Theotokos of Vladimir.

AVOID SUMMONING TOO MANY LIVING VLADIMIRS

I'll tell you what happened to me: Morning after the last séance, I woke to the chatter of 4 or 5 dozen living Vladimirs. Suits in the varied colors of smoke and leaves at the tail end of autumn, long hair, no hair, black, white, gray men, a few curious adolescent boys and even a pump potato-skinned babushka and her granddaughter namesake: the Vladimiras, named after the grandmother's father who was there as well encased in the small tin foil frame the old woman

carried. Yes, I told her, you may sit for a portrait and later I drew her holding her father's picture to her chest like a certificate of birth. I began with a vine charcoal and thought for a moment it should remain in that medium: a series of smudged lines symbolizing Babushka-Vladimira's mortality—a contradiction in image given her girth, her husky gypsy voice. One of the veteran Vladimirs waiting outside my studio heard her chuckle and swore I was in the company of a chain-smoking soldier newly returned from war. He stepped into the room looking for the source of the laughter. Embarrassed he later told me how many friends he'd lost to war. I painted him in green and blue brushstrokes, focusing primarily on how intently he focused on the floor. I finished two or three portraits an hour for eight or nine hours straight that day. To give everyone the same eye color, I mixed a shade akin to water when a fish flashes beneath it. You know how in love I am with the dead, but some pretty good stories underlie a breathing name before it becomes a catchphrase. But, my goodness, when Vladimira the granddaughter of Vladimira, the babushka, settled before my easel, she emitted the strange pink heat that cannot be captured in paint. I knew the succubus in her was like the incubus in me, the Omnibus Omnia—you know what that means—the Omnibus Omnia: "Everything for everybody." She removed her blouse and lay in a wool skirt, a contrast of coarse brown and soft porcelain. I did not breath as I painted her nipples. The portraits, though they have all been destroyed, gave me a way to connect with the live Vladimirs and more importantly gave them a way to connect with their former and future selves.

But truly, I prefer mythological and phantasmagorical Vladimirs—they take up much less space.

HOW TO END THE PARTY

If, for any reason, things start to get out of control quickly beg the spirit to go in peace, then break the circle of hands, extinguish the candles and turn on the lights. As the sun rises, there is a chance you'll find a Vladimir huddled in the tub upstairs. His hands and feet may hang over the sides. Tragic people are all so theatrical. Theatrical people are also tragic. You or one of your guests should declare: "I'm all even with life!" and you all should then abruptly head outdoors.

AFTER THE SÉANCE

Vladimir means "to rule the world." Vladimir means to give meaning to the world. Consequently, venerable vehement Vladimirs may continue to appear. Violent, vagabond, vandal Vladimirs. Or virtuoso Vladimirs. Virtuoso Vladmirs. Kidnapped, mummified, gift-wrapped, bitch slopped, riff-raff Vladimirs. I do not know what will happen. Vladimir may appear in a clean shaven, psychotic visage. Bald as a cloud (of trousers). Dead he may wish to be dead again.

'COLLAPSED LYRICS FOR A SÉANCE

FEEBLE HEART BEWARE / THE DEAD ARE LONELY / A FAINT WITCHCRAFT AGAINST DEATH/ SELF DESTRUCTION PERFORMED BY STARS/ I AM TOO TOUGH TO DIE/ WE ARE LONELY/ OUR SYMPTOMS INCLUDE METAPHYSICAL HUNGER/ THE MOUTH ON YOUR NAVEL IS YOUR OWN/ A TWO-DIMENSIONAL WEeping/ A SERIES OF UNACKNOWLEDGED SACRIFICES/ A MIRROR IN THE TOWERING DUSK GROANING AND BRUSHING/ ONE MUST CONJURE CHANGE/ I HAVE CHANGED / FACE A PROVINCIAL ROOM/ A WINTER /LET'S SAY YOU'VE GONE BACK IN TIME/ PLAGUE PNEUMONIA PARANOIA INTELLECTUAL STARVATION SPIRITUAL EXHAUSTION PRATFALLS MISSTEPS/ IT SHOULD BE TWELVE OCLOCK/ FIVE SOLDIERS SHOULD PASS THE SPEED OF LIGHT/ NEGATIVE AND POSITIVE TRANSGRESSIONS/ A MEANS OF DISAPPEARANCE/ CANDLES THAT DOUBLE EXPOSURE/ THERE IS SUCH A THING AS TOO MUCH SYMBOLISM/ DISTRACTION COOING IN A DARK paneled ROOM/ AN UNCOUPLED BREAST WITHOUT WINDOWS/ AND THE MECHANICAL SOUL/ A CERTAIN NOBILITY IS IMPLICIT/ I HAVE TWO HANDS AND THEY ARE NOT AS SIMILAR AS THEY SEEM/ DEAR HEART SOMETIMES THERE IS A HUNGER I KNOW TO BE YOUR ABSENCE/ I FIT MY HEAD AROUND IT THIN AND BREATHLESS/ THE GLOW SUGGESTS A BURNING A BEAUTIFUL TREMBLING BLOOD/ WHAT DO I LOVE AND WHY SHOULD I/ WHO DO I KNOW AND WHO WILL CARE TO BE UNNECESSARY/ INVITE THE GHOST INTO YOUR BODY/ TIRED PEOPLE/ A WONDERFUL FUTURISTIC MOOD/ BE BORN LIKE IT WAS NOW/ BEFORE LIKE IT WAS NOW/ EVEN BEFORE THAT/ I REMEMBER NOW LIKE IT WAS NOW/ MONUMENTS THE FIVE-DOMED ASSUMPTION/ THE CHATTER OF SMOKE AND LEAVES/ AND NAMESAKE AND MORTALITY AND BRUSH STROKES/ BENEATH A NAME FOR EVERYBODY AND THEIR FORMER AND FUTURE SELVES/ THE NAME AS THE SUN RISES/ EVEN WITH LIFE/ MEANING WORLD/ V V VA/ I DO NOT KNOW WHAT WILL HAPPEN/ A CLOUD MAY WISH TO BE DEAD AGAIN

Terrance Hayes Translated by Pavel Rudnev

РУКОВОДСТВО ПО ПРОВЕДЕНИЮ СПИРИТИЧЕСКОГО СЕАНСА С ВЛАДИМИРАМИ

Вниманию слабонервных: не вызывайте духов, если не готовы к последствиям их вызова

ДВЕ ОСНОВАНИЯ УСПЕШНОСТИ СЕАНСА

1. Одиночество мертвых. Его признаки: легкая ворожба, шум-гам, перестук-перезвон где-то за стеной. Я думаю о («самоуничтожении») после конца господства знаменитостей. («Я слишком настоящий, чтобы умереть»). Так говорят мертвые, когда они живы.

2. Наше одиночество. Его признаки: разговоры с самим собой и уединенные утехы хотя бы раз на дню. Признаки одиночества, возможно, свидетельствуют о метафизическом голоде. Впадина твоего пупка – твой мир и твое владение. Ты, рыдая, катаешься по плоскому полу. Твоя жизнь – череда бессмысленных жертв. (Только призраки Владимиров понимают это).

СОСТАВЬТЕ СПИСОК ПРИГЛАШЕННЫХ

Пригласите как можно больше внушающих доверие Владимиров, ибо они как магниты притянут к себе Владимиров умерших. Владимир с прической в стиле 80-х притянет Владимира в цилиндре. Водопроводчик Владимир притянет Владимира-плотца так же, как и Владимира философствующего. Пишущая машинка и дикий беспорядок в бумагах должны привлечь Владимира-самоубийцу.

Тебе нужна бригада Владимиров. Живые как зеркала отражают мертвых, и наоборот. В надвигающихся сумерках – стонущие и неприкаянные Владимиров. Чтобы вынести холод, кто-то должен создать сверхъестественный мир. Назовись Владимиром!

НИКОГДА НЕ ПРОВОДИТЕ СЕАНС В ОДИНОЧКУ, ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ СОЙТИ С УМА

Я назвался Владимиром, и мы начали разговаривать. С лица я воды не пил. Но ощущал ее под ногами. Что-то вроде головокружения. Чтобы превозмочь голод, нужно глотать, не пережевывая. Да, мне хотелось пить. Но я назвался Владимиром. Мне нравятся многие с именем Владимир.

СОЗДАЙТЕ ДЛЯ ПРИЗРАКОВ ПРИЯТНУЮ ОБСТАНОВКУ

Действо может совершаться в обычной комнате. Действо может совершаться в заснеженном сарае. Действо может совершаться в лифте. Не кладите гвозди на путях и сходнях. Не кладите землю в бензобаки или под пресс.

Допустим, вы совершили путешествие в прошлое. Действо может совершаться среди огромных чертогов великого князя Владимира во время чумы, чехотки, слезки, невежества, низкопоклонства, пинков и тычков. Должна быть полночь; пятеро солдат должны промелькнуть мимо дома. Скорость света в вакууме около 300 000 000 метров в секунду.

ПЯТЬ ВЕЩЕЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ СЕАНСА

1. КРУГЛЫЙ СТОЛ

Вокруг которого должны исчезать и снова появляться черепа, широко раскрывающие челюсти и клацающие зубами, со скелетами, маленьким пламенным мотором наружу. Круговорот темных и светлых проявлений. Избыточность развеществления и покоя.

2. СВЕЧИ

Сияние которых вытянет твою чернильную тень и озарит стопку книг Владимира. Никогда, однако, не читайте при свечах. Я не сказал, при солнце. При луне. Пламя. Ваша чернильная тень удвигается. Зажгите красные свечи, если хотите увидеть Владимира в ореоле боевых самолетов; зажгите взятые займы свечи, если хотите увидеть Владимира с очарованием мертвенных очей. Разрежьте свечу надвое и зажгите каждую половинку, если хотите увидеть Владимира – молодого шеголя и Владимира – плешивого шаркуна.

3. БЛАГОВОНΙΑ

Корица придает бодрости и приманивает котов под окно; ладан расширяет сознание и погружает в медитацию; сандал помогает участникам сконцентрироваться. Помните: не стоит слишком увлекаться символизмом.

4. МУЗЫКА

«Самоограничение, достижение полного самопогружения». Эта песня мне надоела. Поставьте, например, Владимира Падву – это воодушевит ваших гостей. Например, его «Тома Сойера», концерт для двух роялей. Или, допустим, врубите диджея Влада (Владимира Любовного) с его сумбурным ремиксом.

5. ЗВУКО- И ВИДЕОЗАПИСЫВАЮЩИЕ УСТРОЙСТВА

Соглядатай будет наблюдать за вами через окно.

ВЫБЕРИТЕ МЕДИУМА

Если вы добрались до российских кварталов красных фонарей, где царят водка и балалайка, – ищите женщину, во тьме трущоб завывающую «у-у-у-у», измотанную и измочаленную жизнью достаточно для того, чтобы стать проводницей смерти. Ищите женщину, вздымающую свою распущенную грудь к объективу в комнате без окон. Если услышите металлический хруст исходящей из ее тела души, значит она и подойдет на роль медиума.

ВЫЗЫВАНИЕ ДУХА

Возьмите за руки тех, кто справа и слева от вас, и закройте глаза. (Дорогого стоит сказать честно, что вы не верите, но надеетесь поверить). Ни одна дверь не открывается без скрипа. Наркотики помогают и просты в применении, но их сложно достать. У меня две руки, и они не так похожи, как может показаться на первый взгляд.

Пример вызывания духа № 1: «Вступайте в ряды ударной бригады образцового труда».

Пример вызывания духа № 2: «Дорогое сердце, я чувствую, что тебе так меня не хватает.

Кругом крошечная тьма. Гнездо, наполненное рядами бессердечных яиц. Среди них и моя голова. Мечта о тебе, вызывающая к северному небу о покрове от резкого света».

Пример вызывания духа № 3: «Сейчас я преспокойно дожидаясь: трагедии собственной личности / преисполнения чувством прекрасного / всего любопытного и нового».

Повторяйте данные вызовы, пока вам не повезет.

ВОЗМОЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ ВЛАДИМИРА НА ТОМ СВЕТЕ

ВЛАДИМИР ПЕРЕСЧИТЫВАЮЩИЙ КАНЦЕЛЯРСКИЕ СКРЕПКИ.

ВЛАДИМИР ЕДУЩИЙ В МЕТЕЛЬ ПО НОЧНОЙ ДОРОГЕ.

ВЛАДИМИР МЕЧТАЮЩИЙ ОБ УКАЗАТЕЛЯХ.

ВЛАДИМИР ЧИТАЮЩИЙ КНИГУ ПРО КОСМИЧЕСКИЕ ПОЛЕТЫ.

ВЛАДИМИР У ПОДНОЖЬЯ ГОРЫ.

ВЛАДИМИР В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ.

ВЛАДИМИР НА СТАЛЕЛИТЕЙНОМ ЗАВОДЕ.

ВЛАДИМИР ПОДСЛУШИВАЮЩИЙ ЧЕХОВА И АРИСТОТЕЛЯ.

ВЛАДИМИР ПРИСЛОНИВШИЙСЯ К ТЕЛЕГРАФНОМУ СТОЛБУ.

ВЛАДИМИР В ВИДЕ МАТРЕШКИ.

ВЛАДИМИР С ДУЛОМ ПИСТОЛЕТА ВО РТУ.

ВЛАДИМИР ДОМОГАЮЩИЙСЯ ВАШЕЙ МАТЕРИ.

ЕСЛИ ВАМ ПОВЕЗЛО

Шесть часов спустя Владимир может вас поприветствовать. [Голос Владимира звучит тихо и сбивчиво, словно от стремительного пробега по лестничным маршам.] От Владимира исходит яркое и печальное свечение. Не забывайте, что вы разговариваете с мертвым:

[Владимир появляется в длинном пальто. Он ощупывает карманы в поисках чего-то, доставая разные вещи: пивную бутылку, наручные часы, неотоваренные талоны, где-то пол дюжины ключей, барабанную палочку, очки, тюбик зубной пасты. Когда карманы

опустеют, он снимет пальто и, размышляя, почешет голову.]

Владимир может прийти к вам пьяным. Если у него изо рта исходит свечение, это означает, что там у него горящая лампочка. Тонкая красная полоска крови может сплзть с его лба подобно тонкой красной ленте.

Некоторые Владимирy могут появляться очень театрально, в заранее отрепетированных позах. К примеру, Набоков откроет рот, и оттуда выпорхнет прекрасная, трепетная бабочка. Третьчиков может прийти густо покрашенным и в кимоно. Чертков попросит называть его Львом Толстым, своим духовным близнецом. Отказываясь говорить нормально, Ленин, возможно, пропоет вам о себе и своих идеях. «Капитализм стоит на напрасной крови молодежи», – поет он хриплым оперным фальцетом.

ВОЗМОЖНЫЕ ВОПРОСЫ К ВЛАДИМИРУ

Что люблю я и что мне нужно любить?

Кого с именем Владимир я знаю, и кто захочет услышать о Владимире?

Будут ли обязательны контакты в будущем?

Если основная вера моего народа – основное дело моего народа, то что же тогда его позор?

Если основная идея моего народа – основное дело моего народа, то что же тогда его поражение?

В чем смысл смысла?

(Ответы Владимирy могут быть разнообразными, образными и абсолютно невнятными).

ОДЕРЖИМОСТЬ

Если сеанс проходит нормально, пускай дух войдет в ваше тело. Возникнет нечто похожее на двуглавое единовластие пролетариата. Вы станете измученными людьми. Словно вы спите и при этом ненавидите сон. Словно слышите чей-то громкий храп. Вскоре вы испытаете неопишваемое чувство. Вы словно заново родитесь для жизни.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

НЕ ВЫЗЫВАЙТЕ СЛИШКОМ МНОГО ВЛАДИМИРОВ ОДНОВРЕМЕННО

Они никогда не разберутся между собой:

Владимир № 1: Я как сейчас это помню.

Владимир № 2: Нет, это я как сейчас это помню!

Владимир № 3: Ты как сейчас это помнишь, а я это помню как прежде.

Владимир № 4: Но это я помню как прежде, как если бы это было сейчас.

Владимир № 5: Я помню, как это было гораздо раньше, много, много лет тому назад!

Владимир № 6: Я сейчас помню, как это было прежде, как если бы это было сейчас.

НЕ ВЫЗЫВАЙТЕ ВЛАДИМИРЦЕВ

Не вызывайте 345 000 с лишним жителей Владимира, что в 200 километрах к востоку от Москвы по автостраде М7. Обитателей белокаменных памятников Владимира, Пятиглавый собор Успения во Владимире. Владимирскую Божью Матерь.

НЕ ВЫЗЫВАЙТЕ СЛИШКОМ МНОГО ЖИВЫХ ВЛАДИМИРОВ

Я расскажу, что произошло со мной: на следующее утро после сеанса, я проснулся от гомона четырех или пяти дюжин живых Владимирy. Разнообразные костюмы цвета дыма и жухлой листвы, длинноволосые, лысые, черные, белые, серые, несколько любопытных мальчишек, и даже полная, похожая на картофелину бабушка со своей внучкой-теткой: Владимирами их назвали в честь прадеда, который был здесь же, вставленный в металлическую рамку, которую держала старушка. Да, говорю я, вы можете мне позировать, и позже, я нарисовал ее все так же держащей портрет своего отца как свидетельством собственного рождения. Я начал картину углем из виноградной лозы и вдруг подумал, что это должно оставаться у медиума: множество угольных линий, символизирующих смертность бабушки Владимирy, противоречие в образах ее крепкого и зычного цыганского голоса. Один из Владимирy-ветеранов, ожидавший у входа в мою мастерскую, слышал ее смех и брань, словно я был в обществе непрерывно курящего солдата, только что вернувшегося с войны. Он вошел в комнату, отыскивая взглядом источник смеха. Смутившись, потом он рассказывал мне, скольких друзей он

потерял на войне. Я рисовал его в синих и зеленых тонах, обращая внимание в основном на то, как кристально он глядит на пол. Ежечасно я делал по два-три портрета, стоя в течение восьми-девяти часов. Чтобы придать точный оттенок глазам каждого, я подмешивала тень от рыбы, проплывающей в воде. Вы знаете, как я люблю мертвых, однако, какие сюжеты лежат в основе живого слова, прежде чем оно становится устойчивой фразой. Но, Боже мой, когда Владимира, внучка Владимиров, села перед мольбертом, от нее пошла такая сильная энергия, какую нельзя было изобразить на холсте. Я знал, что сукуб в ней был похож на инкуба во мне, Omnipus omnia – вы знаете, что я имею в виду – Omnipus omnia: «Все для всех». Она сняла блузку и осталась только в шерстяной юбке: контраст грубой ткани и тонкого фарфора. Я не дышал, пока выводил ее соски. Портреты, хотя все они и были уничтожены, давали мне возможность связываться с живыми Владимирами и, что важнее, давали им шанс связаться с их прошлыми и будущими воплощениями. Но, если честно, я больше люблю мифологических и фантазмагорических Владимиров. Они поглощают гораздо меньше воздуха.

КАК ЗАВЕРШИТЬ СЕАНС

Если по какой-то причине ситуация становится неконтролируемой, убедите духа уйти с миром, потом разрушите круг из рук, затушите свечи и включите свет. Когда взойдет солнце, есть вероятность, что вы найдете Владимира в ванной. Его конечности могут свисать по сторонам. Трагичные люди всегда так театральны. Театральные – всегда трагичны. Вам или кому-то из ваших гостей необходимо воскликнуть: «Я пока еще жив!»), а затем все должны выбежать за дверь.

ПОСЛЕ СЕАНСА

Владимир значит «владеющий миром». Владимир значит придающий миру смысл. Соответственно, неистовые святые Владимиров могут продолжать появляться. Воители, вандалы, варвары Владимиров. Или виртуозы Владимиров. Возвышенные Владимиров. Ворованные, мумифицированные, обернутые в подарочную упаковку, покрашенные как шлохи, никчемные Владимиров. Я не знаю, что случится. Владимир может появиться с чисто выбритым, нервическим лицом. Нежный, как облако (в штанах). Будучи уже мертвым, он может пожелать умереть вновь.

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ СЕАНСА С ВЛАДИМИРАМИ

вниманию слабонервных / одиночество мертвых / легкая ворожба против смерти / самоуничтожение вызываемое знаменитостями / я слишком настоящий, чтобы умереть / наше одиночество / его признаки, включая метафизический голод / впадина твоего пупка – твой мир и твое владение / рыдания на полу / череда бессмысленных жертв / зеркала в надвигающихся сумерках стонущие и неприкайные / кто-то должен назваться / я назвалась / действие в обычной комнате / под снегом / допустим вы совершили путешествие в прошлое / во время чумы чахотки слежки невежества низкопоклонства пинков и тычков / должна быть полночь / пятеро солдат должны промелькнуть со скоростью света / круговорот темных и светлых проявлений / избыточность развешествления / свечи удаиваются / не стоит слишком увлекаться символизмом / завывание во тьме трущоб / вздымающаяся грудь без окон / металлический хруст души / дорогого стоит сказать честно / у меня две руки и они не так похожи как может показаться / дорогое сердце я чувствую что тебе так меня не хватает / моя голова сипло и сбивчиво / свечение означает горящую прекрасную трепетную кровь / что люблю я и что мне нужно / кого я знаю и будут ли обязательными / пускай дух войдет в ваше тело / измученные люди / неопишное чувство / заново родиться для жизни / прежде как если бы это было сейчас / гораздо раньше / я сейчас полною как если бы это было сейчас / памятники пятиглавого уснения / дюжина дыма и жухлой листвы / и тезка и смертность и угольные линии / под словом для каждого их прошлые и будущие воплощения / круг когда взойдет солнце / пока еще жив / значит мир / вв вв / я не знаю что случится / облако может пожелать умереть вновь

Director (Moscow):
Zhenya Berkovich

Director (Iowa City):
Maggie Conroy

Performers (Moscow):
Ilya Romashko
Yana Irtenyeva

Performers (Iowa City):
Kendall Lloyd
Tim Budd

Maxim Amelin is a poet, translator, essayist, researcher, publisher, who was born in 1970 in Kursk and now lives in Moscow. He graduated from a commercial college, served in the Russian Army, and studied at the Literary Institute in St. Petersburg. His poetry, articles and essays have appeared in multiple literary journals, including *Novyi mir*, *Znamia*, and *Voprosy literatury*, among others. He has published several collections of poetry: *Kholodnye ody* (*Cold Odes*, 1996), *Kon' Gorgony* (*The Horse of the Gorgon*, 2003), and a collection of essays and poetry, *Gnutaia rech* (*Curved Thing*, 2011). He is a professional translator of poetry from Ancient Greek (Pindar), Latin (Catullus), Italian (Antonino Vivaldi), Georgian (Nikoloz Bartashvili), and Ukrainian (Vasyl Makhno), among others. His work has been translated into English, Hungarian, Vietnamese, Georgian, Italian, Spanish, Chinese, Latvian, Georgian, Polish, Portuguese, Serbian, French, and Croatian.

Amelin is the winner of many prizes, such as the *Mosckovskii schet* (Moscow Score, 2004) and the prizes given by the journals *Novyi mir* (1998) and *Znamia* (2010). Amelin was nominated for "Poetry of the Year" in the national "Book of the Year" competitions in both 2004 and 2011. He is a member of the Russian PEN center and the Guild of Literary Translators. He directed the publishing house Symposium from 1995-2007 and is currently Editor-in-Chief for OGI Press.

ВОЛОГОДСКАЯ ВСТРЕЧА

17 февраля 1676

Восьмилетняя осада (1668–1676 гг.) и взятие Соловецкого монастыря царским войском под предводительством Ивана Мещеринова — одно из самых трагических событий русской истории XVII века, оставившее глубокий след в народном сознании. Еще Семен Денисов, старообрядческий писатель первой половины XVIII века, сравнивал его со взятием Трои. Война своих против своих за Веру, изнурительная осада, коварное предательство, жестокие казни, внезапная болезнь и смерть царя Алексея Михайловича — все это нашло непосредственное отражение в раскольнической литературе, исторической песне и народном лубке.

Сюжетная канва песни, написанной двоянным народным пятисложником, такова: два гонца — царский и мещериновский — встретились в Вологде почти через месяц после уже свершившихся событий: 22 января 1676 г. по старому стилю Соловецкий монастырь был взят, а 23 января в Москве ни с того ни с сего заболел царь Алексей Михайлович и его стали одолевать ужасные видения; царю казалось, что подступившие к нему соловецкие старцы распиливают на части его тело, после чего он приказал послать гонца к Мещеринову с тем, чтобы войско от монастыря отступило. Через шесть дней Алексей Михайлович скончался в муках, но расторопный гонец был уже далеко...

Как во городе было Вологде,
по-на площади на Соборная,
собирался там весь честной народ,
весь честной народ, весь наличный люд,
все военные и духовные,
все приказные и торговые,
все нарядные жены мужнины,
девки красные, дети малые,
и вся нищая с ними братия
со зеваками да со праздными.

Как въезжали два в город вестника,
два скорых гонца на лихих конях,
на лихих конях златосбруйчатых,
златосбруйчатых, среброкованых,
из страны один из полуночной,
от обители Соловецкия,
от Изосимы и Савватия,
из земли другой из полуденной,
от самой Москвы белокаменной,
от всея Руси самодержца.

Как один летел черным вороном,
а другой гонец белым голубем,
месяц едуци со неделюю,
при себе несли свитки-грамотки,
свитки-грамотки скорописчаты
за печатями сургучовыми.

Как два вестника повстречались,
по-на площади на Соборная,
повстречались, поприветились,
стали друг друга развыспрашивать.

Вопрошал первой млад гонец друга:
«Ой ты гой еси, добрый молодец!
каковую весть при себе везешь,
из земли везешь из полуденной,
от самой Москвы белокаменной,
от всея Руси самодержца?»

Не вскрывал гонец свиток-грамотку,
как возговорит громким голосом:
«Такову везу весть я добрую,
из земли везу из полуденной,
от самой Москвы белокаменной,
от всея Руси самодержеца,
что осаду снять государь велит,
отступить стрельцам купно с пушками,
купно с пушками, со пищальями
от обители Соловецкия,
от Изосимы и Савватия,
всех ослушников воли царския,
всех отступников веры правыя
не велит казнить, велит миловать,
чтоб молилися Богу за царя,
за царя они православного,
Алексея ли свет Михальча!»

Как услышали, разом ахнули
весь честной народ, весь наличный люд,
все военные и духовные,
все приказные и торговые,
все нарядные жены мужнины,
девки красные, дети малые,
и вся нищя с ними братия
со зеваками да со праздными.

Вопрошал второй млад гонец друга:
«Ой ты гой еси, добрый молодец!
какую весть при себе везешь,
из страны везешь из полуночной,
от обители Соловецкия,
от Изосимы и Савватия?»

Не вскрывал гонец свиток-грамотку,
как возговорит громким голосом:
«Такову везу весть недобрую,
из страны везу из полуночной,
от обители Соловецкия,
от Изосимы и Савватия,
что взята была крепость силою,
долгим натиском, быстрым приступом,
по велению, прежде данному
от самой Москвы белокаменной,
от всея Руси самодержеца,
все ослушники воли царския,
все отступники веры правыя
переловлены, перевешаны,
чьей душе теперь в рай иль в ад идти,
сам Господь вершит справедливый суд!»

Как услышали, разом охнули
весь честной народ, весь наличный люд,
все военные и духовные,
все приказные и торговые,
все нарядные жены мужнины,
девки красные, дети малые,
и вся нищя с ними братия
со зеваками да со праздными.

Как сходили тут два скорых гонца
со лихих коней златосбруйчатых,
златосбруйчатых, среброкованых,
и отправились на царёв кабак,

ели досыта, пили допьяна,
ели досыта яства сладкие,
пили допьяна зелья горькие,
стали друг другу да рассказывать,
речи тайные меж собой вести,
пили день, другой, а на третий день
потекли к Москве белокаменной.

Ворон голубю око выклевал.

Maxim Amelin Translated by Mayhill Fowler & Christopher Merrill

The Meeting at Vologda
Historical Note:

The siege (1668-1676) and capture of Solovetskii monastery by Tsarist troops, one of the most tragic events of seventeenth-century Russian history, has left a deep trace in the Russian psyche. Semen Denisov, an Old Believer writing in the early 18th century, compared the event to the capture of Troy. The war of brother against brother in the service of faith, an exhausting siege, a treacherous betrayal, cruel punishments, the sudden illness and death of Tsar Aleksei Mikhailovich—all this found immediate expression in the literature of the Raskol, the Schism, historical song, and folk collections.

The plot is the following: Two messengers—Tsarist and Meshcherinov [that is, one from Aleksei Mikhailovich, the Tsar in Moscow, and one from the Tsarist troops besieging the monastery—ed]—meet in Vologda almost a month after the capture of the monastery. On 22 January 1676 (Old Style) the monastery was taken and on 23 January in Moscow the Tsar suddenly took ill, for no apparent reason, and he was overcome with visions of Solovky Old Believers were coming for him to cut his body into pieces. So he sent a messenger to his general ordering the troops to retreat from the monastery. After six days of torturous pain, Tsar Aleksei Mikhailovich died, but the messenger was already far away...

17 February 1676

Now in Vologda, in the square,
The people gather, all the fair
And honest people of the town—
The soldiers and the monks, the men
And proper women, pretty girls
And children, clerks and all the merchants,
And their poor brothers, and the people-
Watchers, yes, and the idle.

Two heralds hurried to the city,
Two messengers on their fast horses,
Galloping on golden-harnessed horses,
Golden-harnessed, with silver hooves,
One from the islands of the north,
From the residents of Solovsky,
From Zosima and Savvatii,
The other from the southern vast,
From white-stoned Muscovy itself,
From the stricken Tsar of all of Rus.

One flying like a raven, one
Like a white dove, both covering
In one week distances that took
Most men a month, each carrying
A scroll stamped with an iron seal.

The messengers met in the square
And set to questioning each other.
The first one said, "O good young man,
What news do you bring from the south,
From white-stoned Muscovy and the Tsar,
The autocrat of all of Rus?"

The herald didn't hide the scroll.
He spoke in a loud voice: "I bring
Good news from white-stoned Muscovy,
News from the Tsar of all of Rus—
He orders that the siege be lifted,
That all the troops stand down, withdraw

Their cannons from the town, together
With the cannons and the musketry
Belonging to the men from Solovsky,
From Zosima and Savvatti,
From those who disobeyed the Tsar,
Who fell away from the true faith.
The Tsar will spare them punishment,
Will show them mercy if they pray
To God for the Orthodox Tsar,
For St. Aleksei Mikhailovich."

They listened and they sighed, the fair
And honest people in the square—
The soldiers and the monks, the men
And proper women, pretty girls
And children, clerks and all the merchants,
And their poor brothers, and the people-
Watchers, yes, and the idle.

The second herald asked the first:
"What news do you bring from the islands
In the far north, O good young man,
From the residents of Solovsky,
From Zosima and Savvatti?"

The herald didn't hide the scroll.
He spoke in a loud voice: "I bring
Sad tidings from that northern land,
From the residents of Solovsky,
From Zosima and Savvatti:
The fortress was besieged, and taken,
After long years, in a fierce attack,
On orders from the Tsar of Rus,
From white-stoned Muscovy itself.
All those who disobeyed the Tsar,
Who fell away from the true faith,
Have been cut down, or hanged, and now
Their souls reside in Heaven or Hell—
God will decide their fate on Judgment Day."

They listened and they sighed, the fair
And honest people in the square—
The soldiers and the monks, the men
And proper women, pretty girls
And children, clerks and all the merchants,
And their poor brothers, and the people-
Watchers, yes, and the idle.

The messengers on their fast horses,
Galloping on golden-harnessed horses,
Golden-harnessed, with silver hooves,
Set off for Tsar Aleksei's tavern.
They ate their fill and drank to the depths,
They stuffed themselves with sweets, they drank
The bitter potions to the depths,
And then they told each other secrets.
They drank for one day, and then a second,
And on the third day they rode to Muscovy.

The raven pecked the eye of the dove.

ACKNOWLEDGMENTS

CISCO SYSTEMS, INC.

BRENT GARRETT
THE UNIVERSITY OF IOWA

RICK LOULA
THE UNIVERSITY OF IOWA

WINSTON BARCLAY &
UNIVERSITY NEWS SERVICES
THE UNIVERSITY OF IOWA

JILL STAGGS
CULTURAL PROGRAMS DIVISION
U.S. DEPARTMENT OF STATE

SANDRA G. BRUCKNER
DIRECTOR, DIGITAL DIPLOMACY STUDIO TEAM
U.S. DEPARTMENT OF STATE

MAGGIE BLAKE
THE UNIVERSITY OF IOWA

KIM BURDA
THE UNIVERSITY OF IOWA

ART PERMISSIONS COURTESY OF:

TJ HUFF
<http://www.huffart.com>

FLORIDA CENTER FOR INSTRUCTIONAL TECHNOLOGY
<http://etc.usf.edu/clipart>

PARTNERS

THE UNIVERSITY
OF IOWA

iwp International
Writing Program

Moscow Art Theatre

